Партия трубы в скотобойной симфонии

Илья Вькованец

♩ = 120

tpt.

1/6 892 47 52 892 47 52

18+

Илья Выхованец

Партия трубы в скотобойной симфонии

https://litres.ru/73755534
SelfPub; 2026

Аннотация

Далёкое будущее, государства потеряли власть, человек не многим важнее процессора, а исцеление от любой душевной боли можно найти, скачав новое приложение, только проверь на вирусы. Но когда трубач Молох знакомиться с Ювентой и видит её смерть от загадочной болезни, его тоске не удаётся найти простого разрешения. И тогда разгул, и коррупция, и цифровые галлюцинации. Всё, что качает, пока закономерный конец не возьмёт своё.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Ювента	7
Глава 2. Ювента мертва	15
Глава 3. Уроборос	32
Глава 4. Астрозаправочная станция	63
Глава 5. Ярмарка	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Илья Выхованец
Партия трубы в скотобойной симфонии

Вступление

Далёкое прошлое, год 2014 до их эры. Николай Гоголь давно мёртв, и даже при жизни онанизм не был ему свойственен. Города разрослись и слились в единое целое, границы стран размылись, и государственная власть потеряла свой авторитет, превратилась в церквеобразный элемент общества с юридическими законами, соблюдающимися добровольно, как раньше соблюдались заповеди, и патриотическими символами, носящимися как знаки отличия на видных местах. Реальная власть перешла к компаниям, ограниченная только их финансовыми возможностями протянуть щупальца новых, комфортнейших рабочих условий в соседние районы, кварталы, жилые комплексы, этажи, коммунальные квартиры-поселения. Создан новый вид формы материи – информационная, и вокруг всех обитаемых планет, начиная с Земли, возведены Маяки – искусственные спутники, генерирующие информационное поле. Оно заменило Интернет, доступ к нему можно получить из любой точки, находя-

щейся внутри инфополя. В физических серверах больше нет необходимости, вся информация существует взаимосвязанно и едино в информационном поле. Сейчас никто больше не владеет компьютерами, телефонами, машинами, паспортами, банковскими картами – все необходимые данные хранятся на чипе-татуировке, вживлённом каждому горожанину в костный мозг; в любой момент любой человек может подключиться к любой доступной бланк-технике: компьютеру, телефону, машине любого рода, которые без числа разбросаны по пангородам всей вселенной, – и зайти в любой из своих аккаунтов с тем же удобством, как будто это личная техника. У этой системы нет минусов: доступ к содержащейся на чипе-татуировке информации третье лицо может получить только с сознательного позволения гражданина – носителя чипа, и число грабежей, мошенничества, воровства снизилось до рекордных показателей за всю известную историю человечества. Конечно, теперь грабители используют новые методы – гипноз, хакинг сновидений, внушение, доведение до безумия информационными рекламами-вирусами, но высокая квалификация, необходимая злоумышленнику для подобных операций, снизила число этих операций до вышеупомянутых рекордных показателей.

Существует всего один небольшой минус: информация, привязанная к личности, изменяется вместе с личностью, а меняющаяся информация меняет инфополе, изменения же в инфополе изменяют информацию, привязанную к личности,

а та изменяет личность. Безумие ретранслируется само собой, вирусы сводят с ума, разрушающийся аккаунт разъедает душу, распадающаяся душа образует информационный призрак. Впрочем, подобные случаи редки.

Бóльшая часть вышеизложенной информации читателю, вполне возможно, уже известна. Совершенно точно всем известен год, о котором я собираюсь рассказывать, – 2014 год до их эры. И если кто-то может подумать, что интересующие меня события произошли лишь по случайности в этот знаменательный год, я скажу сразу: это будут те самые критические недели, после которых мир вышеописанный стал миром ныне известным, и будут они иметь самое прямое отношение к источнику этой перемены. Но я коснусь темы малоосвещённой, расскажу о человеке, чья роль была ключевой, хоть и не по его воле, в том, как сформировалось известное нам сейчас информационное пространство, а также загляну немного в тот мир, который мог бы достаться нам вместо нынешнего, если бы не существовало этого человека.

Глава 1. Ювента

Этот человек – Бадралцэцэг Молох-Цимлянский, или просто Молох. Он был трубач, в начале этой истории работавший и живший в Байкале. Этот район, где многоуровневые улицы проходили между многоуровневыми реками разбитого на части некогда озера Байкал, считался, благодаря количеству экологизирующих станций, курортным. Впрочем, Молох был из тех людей, что всюду ищет чернейшую, прокуреннейшую дыру, и сейчас он находился на нижних уровнях, в баре у подземной запруды, где давал концерт вот уже вторые сутки.

Наконец выходные, выделяемые своим работникам соседней компанией «Ксионк», стали подходить к концу, гуляющие постепенно уходили отсыпаться, и бар пустел. Молох, оставшийся последним из своего музыкального трио стоять на ногах, доиграл последнюю партию и стал складывать трубу в чехол.

Он понял, что не расслаблял спину вот уже пару часов. Рубашка промокла и порвалась на локте, хотя Молох не мог уже припомнить, как это могло произойти.

Его трио заплатили четыре часа назад, последние партии он доигрывал уже по своему желанию. За это Молоха здесь любили – трубач он был далеко не самый лучший, но когда впадал в раж, его сложно было остановить.

Полный бармен, который успел начать смену, сдать её и принять новую, пока Молох играл свой концерт, добродушно глядел на его сборы.

– Новую пассию себе нашёл, Молох? – мимоходом спросил он.

Бессонным мозгом Молох не сразу понял, что он имеет в виду, дела вчерашнего дня казались историей прошлого века. Но потом в голову постепенно вернулся образ Ювенты, темноту похмельно-пьяного рассудка разрезала светящаяся кайма, обрамляющая её шевелюру, когда она сидела перед Молохом, заслоняя головой огненно-красный светильник, в нос попытался пробраться аромат её духов, несмотря на свою ненавязчивость, каким-то образом доминировавший над застойными, тяжёлыми запахами этих мест.

Он отвернулся от бармена, пряча глупую улыбку.

Тот снова спросил:

– Ну, скажи мне, ты ведь ей позвонишь хотя бы?

Молох всё ещё ничего не ответил, но дурацкая мальчишеская улыбка, не сдерживаясь, уже растягивалась по лицу.

– Кобель! – также с улыбкой бросил бармен вслед, когда Молох уже направился к выходу.

Воздух снаружи сложно было назвать свежим, и всё же он трезвил, как может трезвить солнечный свет.

Молоху нравились эти нижние уровни – в основном пустынные, здесь были только автоматизированные цеха, немногочисленные жилые дома специалистов, работавших

на тех цехах, пара заведений, подобных этому. Освещение здесь не менялось в зависимости от дня и ночи, как на верхних уровнях, между зданиями оставались просторы, как долины между горами, а сами здания напоминали замки или те же горы, – массивность была их технической необходимостью, так как первостепенно это были не жилые или рабочие помещения, а колонны, поддерживавшие уровни выше.

Молох направился к метрополитену, чтобы подняться домой. Жил он на средних уровнях, в малоприятном монотонном районе-муравейнике, откуда уже три года надеялся съехать.

У самой станции «Новонью-йоркская» шумели водопады. На три квартала во все стороны простирались надомные сады, но дальше начинались те спальные витиеватые районы, которые изменялись во всех точках земного шара только на незначительные, незаметные детали, так что, перенесись человек по случайности из ЖК «Натрий-64», где жил Молох, в какой-нибудь «Цветок Амброзии LXXVI» где-то в южной части Африки, мог бы подумать, что просто завернул за угол.

Здесь уже не было шумных цехов, по улицам не ходили то жаркие, то прохладные ветра, которые такие цеха пускали, не было звёздной россыпи белых ламп, освещавших нижние уровни. На трёхсотметровой высоте потолок был перекрыт информационными панелями, транслировавшими небо с поверхности, сейчас закатно-сумеречное, а работали здесь в основном в офисных дворцах компьютерных компаний.

Заметив в конце улицы один из таких дворцов, усаженный рядами информантов, которые в своих металлических шлемах казались армией стальных опят, Молох снова вспомнил о Ювенте. Она работала инфоинженером в «Ксионке».

Его привлекало в ней не только то, как её ноги выглядели в кожаных штанах, хотя и это был образ, определённым образом беспокоивший Молоха. Его привлекало то, что, занимая начальственную должность, в свой выходной она спустилась в место вроде «Утренней звезды», что она не оставила бокал мартини недопитым, хотя уже едва сдерживала рвотный порыв, и то, как она, удовлетворив тот порыв, остановилась перед туалетным зеркалом, шатаясь, и перекрасила губы помадой. Впрочем, чем больше Молох думал об этом, тем больше понимал, что привлекало его и то, как она чихала, и то, как расплачивалась по счёту, даже та салфетка, которой она вытерла губы перед уходом, теперь отдавалась в его памяти сердечной сладостью.

– Чёрт, – более того, теперь популярная музыкальная группа «Заря эпохи», которую он до этого презирал, но которую любила Ювента, казалась ему не такой плохой; даже «Ксионк» с его деспотическими замашками, – олицетворение того бездушного капитализма, что, по мнению Молоха, язвой распространился по обществу, – даже его образ как-то потеплел, стал в чём-то милым в молоховской голове просто оттого, что Ювента работала там.

«Влюбился, сволочь, что ли?» – думал Молох, опять ощу-

щая эту дурацкую улыбку на губах.

Они договорились встретиться через два дня, и Молох провёл их, вопреки своему обыкновению, отсыпаясь, трезвея, наведываясь в баню, выпаривая и выглаживая свой единственный костюм.

Он должен был зайти за ней в её квартиру. Квартира находилась на пару уровней выше его, где надомные сады распространялись куда обширнее.

Дом Ювенты как раз был одним из заросших. Это было профессиональное общежитие, в каких проживало большинство постоянных работников «Ксионка». Фойе здесь было выложено плиткой Пенроуза, окна застекляли витражи с мифами о программистах, а стены настолько плотно заставляли информанты, сидевшие друг у друга на плечах в пурпурно-чёрных цветах компании и полированных шлемах, что самих стен и не было видно.

Молоху пришлось за столом консьержа отчитываться о цели визита, дожидаться, пока его найдут в списках приглашённых, а до квартиры Ювенты его вёл коридорный.

Первые сорок этажей, видимо, были заняты жилплощадью попроще, а его подняли выше, где на британский манер квартиры каждого этажа соединялись не коридором, а внешней террасой, несколько затенённой искусственно опыленными, вечноцветущими лианами.

По рекламным экранам гуляли информационные ветра, нанося свои жутковатые интерпретации человеческих обра-

зов. После открытия дверей лифта Молох увидел, как проекция на доме напротив как раз исказилась под одним из порывов такого ветра: рекламирующая шампунь девушка побледнела, улыбка сползла с её губ, и когда она провела пальцами через волосы, желая продемонстрировать их шелковистость, те клоками потянулись, оторвавшись, за её руками, а потом зазмеились в них, как ком тонких тёмных червей.

Благодаря многослойности охранной системы, жильцы здесь могли оставлять свои квартиры незапертыми, и такой оказалась квартира Ювенты. Коридорный, проявляя вежливость, всё же постучал дверным молоточком. Молоха несколько раздражали его чопорные манеры, и он распахнул дверь, будто был здесь уже неоднократно.

– Ничего, меня ждут, – сказал он, но осёкся, едва заглянул внутрь. – Боже милый…

– Сучий потрох, – вторил коридорный, увидев то же самое.

Входная дверь открывалась сразу в гостиную, и там, среди разорванных штор, разбитых тарелок, сожжённой техники, сидела, издавая неразборчивые стоны, Ювента. Она была занята тем, что грызла собственную руку, на которой в некоторых местах уже проглядывала кость. Вторая рука была пока цела и занималась тем, что вбивала кухонный нож в пол, затем выдёргивая его оттуда. Откуда-то из волос на макушке стекала кровь, она собралась на подбородке и, начав запекаться, образовала там мерзкую желеобразную сосульку,

трясущуюся при каждом вздохе Ювенты, но так и не отпадающую.

– Как это, как это?! – глупо забормотал Молох.

Он подбежал к ней, схватил за плечи, с трудом пытаясь собраться с мыслями, что следует делать в такой ситуации. Он не раз видел передоз, пару раз белую горячку, но это было чем-то другим.

Ювента бессмысленно посмотрела на него, из горла её раздалось:

– Наташа Ростова, Пушкин… Пушкин…

– Эпилепсия?.. – робко предложил коридорный, со страхом глядя на девушку.

Молох взглянул на него, как на идиота.

– Ну, или нет… – сказал тот, – пойду, позвоню кому-нибудь…

Молох ещё раз заглянул в опустевшие глаза Ювенты и окликнул коридорного, бывшего уже в дверях.

– Постой! У тебя нет бланк-телефона?

– Вот, а что ты думаешь? – тот подошёл, протягивая раскладной служебный аппарат.

Молох не хотел, чтобы то, что он думал, оказалось правдой, и потому промолчал. Он позвонил на номер Ювенты, но тот оказался отключён от сети.

– Что такое? – спросил коридорный, глядя на мрачного, как-то за секунду осунувшегося Молоха, который, поднявшись на ноги, даже пошатнулся.

Прежде чем ответить, он огляделся ещё по квартире в слабой надежде, что вокруг просто нет техники, к которой чип-татуировка Ювенты мог бы подключиться, но нет, здесь был и телефон, и компьютер, и станция умного дома, которая, скорее всего, была настроена на принятие вызова в любой точке квартиры.

– Она отключена… – всплеснул руками Молох.

Коридорный только непонимающе глядел на того.

– Дечипирована… это Лукиево безумие…

– Да ну! Это же случай один на миллиард…

Молох снова посмотрел на него, как на идиота, и вышел на террасу.

Глава 2. Ювента мертва

Вскоре здесь уже были представители трёх следственных комитетов: корпоративного от «Ксионка», районного и добровольного, члены которого ещё по старой памяти называли себя «Следственным комитетом Российской Федерации», – начались торги за право расследовать дело.

Районные следователи не имели здесь большого интереса и участвовали только для своей статистики, следователи «Ксионка» хотели забрать это дело себе только для того, чтобы узнать, что его подоплёка не касается чести компании: если это их действительно не касалось, они перепродавали дело в другую фирму, а если касалось, раскрывали, оставив результат в тайне. Интуитивно Молох доверял только СК РФ, хотя вообще старался взаимодействовать с национальными следователями как можно меньше: эти люди работали за минимальную плату и почитали себя рыцарями в некотором роде, блюли какую-то свою честь, верность президенту и прочим идеалам, но в действительности это были не столько рыцари-монахи, сколько воинствующие гусары, считавшие любые средства приемлемыми, если речь шла о раскрытии дела.

Молох не успел сбежать сразу, и теперь ему пришлось дожидаться окончания торгов, чтобы дать показания.

В это время он сидел на диване перед большим экраном

на противоположной стене. Стараясь не смотреть на следы крови на полу, оставшиеся после Ювенты, он разглядывал фоновую заставку на телевизоре. Это была смоделированная картина, выглядящая как фотография: небольшой в масштабе всего пейзажа фрегат вплывал в огромную волну, вздымающуюся так высоко, что почти нельзя было видеть неба, а сквозь водяную толщу проглядывал своего рода мегаполис, зубчатый городской ряд с одним карьером-улицей в центре, он как бы вздымался вместе с волной с морского дна и будто находил на фрегат вместе с ней. Вода переливалась глубокой зеленью, а город отливал красно-жёлтым огнём по своим улицам и домам, и как бы через туман, водяную дымку проглядывало его освещение. Чем больше Молох разглядывал город, тем больше деталей находил, и ему постепенно начинало казаться, что это как раз город реален, а не фрегат, вплывающий в него, – и так что корабль находится ещё на завидном месте.

Торги за следствие выиграл СК РФ, и высокий лейтенант Бум с костистым лошадиным лицом прямо здесь, среди беспорядка Ювентиной квартиры, стал допрашивать Молоха.

Чтобы быстрее покончить с этим, тот всё рассказал откровенно и не стал спорить, когда Бум с недоверием отнёсся к идее о дечипированности Ювенты.

– Вы знаете, какой шанс такого заболевания? – спросил он.

– Один к миллиарду?

– Где-то так, да. И вас это не смущает?..

– Меня смущает, что красивейший человек, которого я когда-либо знал, доведён до состояния домашней скотины. Остальное, признаться, меня мало интересует. Вы не могли бы не курить здесь?

– Не думаю, что хозяйка будет возражать. Вот это видели?

Он достал из кармана целлофановый пакет для улик, где находилась пара стеклянных шприцев и несколько прозрачно-жёлтых капсул для них.

– Нет, что это?

– Научное название – «Гипернитродифенгидрамин», в народе известен как «Зомбификатор». Знаете почему?

– Нет.

– А догадаться не можете?

– Нет.

Лейтенант Бум посмотрел на него долгим взглядом.

– Ваша барышня увлекалась чем-то потяжелее табака, и, возможно, её состоянию есть более простейшее объяснение, чем Лукиево безумие.

– Здорово… Теперь я свободен?

Молох поднялся.

– Я с вами свяжусь, – сказал ему Бум на прощание.

Ответом тому был только вялый взмах руки.

Молоху действительно сначала не было большого дела до того, от чего сошла с ума Ювента. Он был убеждён, что это Лукиево безумие, по той причине, что видел его уже

несколько раз. В его детстве, в заводских общежитиях в индустриальном муравейнике Горнопосельск, шансы заразиться таким безумием были совсем не один к миллиарду, как здесь теперь. Тем не менее большинство заражений происходили как раз среди любителей подпольных развлечений.

Тогда был распространён какой-то дешёвый стимулятор, который вводили прямиком в костный мозг, он позволял не спать вообще около пяти дней, а то и неделю. Какие-то воротилы пользовались этим, чтобы вводить клиентам вирус, предоставляющий им контроль над всей информацией в чипе-татуировке. По щелчку пальца они выкачивали все ценности и оставляли чип изгнивать, натыкаясь в своих процессах на самого себя, что приводило как раз к так называемому безумию Луки.

За этой болезнью, кажется, так и не смогли пронаблюдать в лабораторных условиях, и информации о ней у нас осталось столько же, сколько было у врачей позапрошлого средневековья о бубонной чуме. Даже это имя – «Лукиево безумие» – неофициальное название, происхождение которого неясно. Кто-то говорил, что Лукием или Лукой звали первого больного, кто-то отсылал к апостолу Луке, который был врачом, – эта болезнь, мол, даже святейшего доктора довела бы до безумия. Молох, например, всегда больше верил в самую малоправдоподобную версию о том, что она названа по исковерканной форме имени «Люцифер» – Люцифероово безумие, потому что больные, отсечённые от чипа-тату-

ировки, чувствовали себя бессмысленными и отделёнными от Бога-Сети, как Люцифер себя чувствовал, низринутый с неба, а муки их, как это выглядело со стороны, были подобны адским.

Вряд ли Ювента стала бы вводить себе что-то в спинной мозг, да и странно было бы, если инфоинженер из «Ксионка» стала покупать свои дозы в вонючих подворотнях, где только и можно найти плод подобных афер.

Как бы то ни было, неприятно смотреть на человека в таком низком положении, до какого может довести Лукиево безумие. Десятикратно это неприятно, если этот человек тебе небезразличен.

Но если ты ещё и в некотором роде обменялся жидкостями с этим человеком, то разговор о неприятном как бы переходит в другую плоскость. Молох не знал, можно ли заразиться Лукиевым безумием, а тем более от только одного поцелуя. Казалось, эта болезнь должна вести себя иначе, чем простуда или грибок. И сейчас он не мог вспомнить среди страшных историй о безумии, – а ведь слышал он их в детстве достаточно, и были они все разной степени фантастичности, – всё равно ни одной он не мог припомнить, чтобы кто-то заразился безумием даже через секс или через чих в метро. С другой стороны, всё-таки никто так до сих пор и не понял, как безумие работает, так что, в общем-то, могло оно каким-то образом быть и вирусом, и новым штаммом чумы, и спорами инопланетного растения. Молох возвращался к

этой мысли не раз и не два, но сам себя он успокоил тем, что его беспокойство происходит из суеверного страха перед безумием Луки, которое с детства жило в нём, как и во всех людях, сталкивавшихся с загадочной болезнью лицом к лицу.

На пару дней после посещения квартиры Ювенты Молох поселился на дне бутылки. Когда Бум снова вышел с ним на связь, он был в каком-то баре-ресторане около своего дома на средних уровнях. Сейчас он уже неплохо напился и впал буйство, в порыве которого захватил место у рояля и кричал дурным голосом, плохо аккомпанируя на инструменте:

– Я сошёл в морг святого Иакова… Видел свою милую там… Чёрт побрал её…

Он намеренно плевал на то, что думают люди вокруг, но втайне надеялся быть замеченным, быть даже битым или выгнанным, ему хотелось сломать что-то подороже, как бы закричать разрушением.

– Она лежала на металлическом столе… Так бледна, так тиха, так хороша!..

Он орал намеренно гадко, без рифмы и ритма переводя слова древней песни.

– Когда умру, похороните меня в моих туфлях из крокодила… Наденьте на меня мою шляпу с фазаньим пером, а на грудь повесьте золотую медаль… – он закашлялся, – чтоб ребята знали, что я умер, стоя на своём…

Казалось, Молох не фальшивил только тогда, когда го-

лос его срывался, а всё-таки почему-то он уже допел последний куплет, присочинил ещё пару строк от себя, довыл весь оставшийся в лёгких воздух, а всё ещё не был выгнан.

Шатаясь, он встал из-за рояля. Только теперь он огляделся и понял, что, вообще-то, никто на него и не смотрит, не обращает внимания среди зарослей комнатного укропа. Не сразу он понял, что столики огорожены сетками лоз укропа, специально выведенного для звукопоглощения: он не слышал никого из посетителей в других кабинках точно так же, как никто из них не слышал его.

Его как будто унизили этим. В этот момент Молох понял, что только на публику и работал, до самой песни ему как будто и дела не было, а потому как будто и не чувствовал он ничего, а только пытался чувствовать, пытался натянуть маску скорби, хотя сам не понимал зачем.

– Грязное животное… – сказал он сам себе.

Он подчеркнул мысль новой порцией вина за своим столиком и как раз теперь услышал свой писклявый рингтон из-под кресла. Покопавшись там рукой, он достал почему-то обугленный и расцарапанный, но всё ещё работающий бланк-телефон, подключившийся к его чипу-татуировке. Звонил Бум с новостями, ему хотелось поговорить лично, и Молох сказал, где находится.

К тому моменту, как лейтенант приехал, Молох успел впасть в ту полную апатию, которая часто следовала за порывами хмельного буйства у него.

Бум заказал себе пиво и сказал:

– Откуда ты знал, что это Лукиево безумие?

Молох ответил не сразу:

– Всё-таки оно?.. Н-да… – он сделал неопределённый жест, – видел, там… в детстве у нас многие болели… Она мертва?.. Я имею в виду… Когда она умерла?

– Семь часов назад… Перед этим расковыряла насквозь себе пупок и попыталась перегрызть вены. Её удержали…

– Идиоты…

Бум запнулся, и слово Молоха повисло в воздухе.

– Да, неприятное дело… Послушай, что ты знаешь о работе Ювенты в «Ксионке»?

Молох пожал плечами.

– Что она была инфоинженером, больше ничего… у нас не было времени… на неловкие паузы, которые можно было бы забить болтовнёй о подобных вещах…

Бум оценивающе смотрел на него какое-то время.

– Дело в том, что, видимо, в «Ксионке» узнали о чём-то… О работе, которую она вела в своё свободное время. «Супруга» Сократа Сугробина – что-нибудь слышал о подобном?

Молох неопределённо повёл плечами, упёршись взглядом в столешницу. Можно было понять, что это название никак не отозвалось в нём.

– Это что-то вроде программы. Что-то вроде вируса, но очень своеобразного… это, видимо, не вполне известная технология… Вряд ли кто-то случайно мог набрести на «Су-

пругу», даже целенаправленные поиски могли бы потребовать многих ресурсов, которые не могли быть у одного программиста… Да об этой программе и знают очень немногие… Суть в том, что у программы есть только разрушительные свойства, её невозможно изучать, – так, по крайней мере, говорят мои специалисты… Так вопрос: зачем она понадобилась Ювенте?.. Н-да?.. Н-да, так вот…

Бум как будто несколько пытался заинтересовать Молоха, как будто всё дожидался от него реакции или какой-то эмоции, отчасти, быть может, и проверяя, не соучастник ли Ювенты Молох в её гипотетическом преступлении, но тот едва ли обращал внимание, и Бум несколько терял свой ритм всякий раз, когда кидал взгляд на Молоха.

– Так вот, да… Так-то её, быть может, и не намеренно убили, вряд ли кто-то действительно смог заполучить Лукиево безумие… в пробирке… Скорее, просто внедрили к ней вирус каким-то образом… Через наркотик, наверное. А вирус уже разрушил чип-татуировку, так что безумие как-то само народилось… Н-да, неприятная история… Но о чём же я хотел сказать. Ну да… Дело, в общем, закрыто… Скорее всего, Шурик Большой, Ситаврия Здзиславская или ещё какая-то шельма из «Ксионка» заказали эту историю. Я бы поставил на этих двоих – непосредственное начальство Ювенты. До них мне не добраться и на ружейный выстрел, да мне и так пригрозили увольнением. Уж не знаю, кто на какие рычаги понажимал…

Молох всё ещё не реагировал. Бум помолчал, затем закончил:

– Ну, такая история… Мысли? Жалобы, предложения?.. Н-да, я так и думал…

После паузы он ещё добавил:

– Шутка ещё, знаешь, в чём? Они, кажется, в итоге и не достали этот фрагмент, тот образ «Супруги». Мне сегодня утром позвонил кто-то, предпочетший остаться инкогнито, как говорят. Он предложил мне поработать в отдельном порядке – продолжить следствие как частный сыщик… Не знаю, на самом деле, как это понимать. В «Ксионке», пожалуй, следователи никогда не славились своей прозорливостью, а всё-таки привлекать детектива из другой конторы… А впрочем, если эта «Супруга» действительно имеет какую-то ценность, то, быть может, это и другая компания заинтересовалась. А то и частное лицо… ладно… чёрт с ним… Ввязываться в это ещё… Всё равно никакого правосудия здесь уже не восторжествует…

Подошёл автоматизированный официант, Бум заказал себе ещё одно пиво. Молох тупо глядел в полупустой стакан, к которому давно уже не притрагивался.

– Кстати, у неё осталось завещание, – больше для поддержания разговора обмолвился лейтенант.

Только теперь Молох поднял глаза.

– И что там?

На его лице что-то отобразилось, будто он надеялся, что

Ювента как-то и о нём обмолвилась в завещании.

– Да так, указания, как поступить с имуществом, ничего особенного. Видимо, их всех в «Ксионке» заставляют завещания писать… Уж не знаю зачем. Квартиру младшему брату, он на фронте в Бразилии. Все деньги матери… Ну, это без разницы, потому что деньги и документы на чипе-татуировке, а тот… Ну, чёрт его знает где… Моё предположение было бы, что тот, кто выполнял заказ на убийство, украл и данные, узнал об их ценности и решил спрятать, чтобы продать подороже…

Он снова умолк, а затем несколько усмехнулся, вспомнив о чём-то.

– Забавно, что последним пунктом в завещании она попросила взять какую-то фотографию, на которой она в жёлтом платье с букетом, из облачного хранилища и повесить её в холле одного из электромонастырей Исидора Гиспальского. В юности она была там послушницей, мечтала стать одним из архитекторов Интернета. Ты помнишь же этих сумасшедших, которые думали, что в этих информационных штормах можно найти новые горизонты человеческого прогресса? Или не застал?.. Этот же Сократ Сугробин тоже был оттуда выходцем. Тоже мечтал об укрощении штормов, новом, светлом информационном будущем. В итоге сошёл с ума и сгинул в тюрьме… В итоге они все только с ума посходили… Хотя не Ювента… Ювента Хоролилиева… Инфоинженером вышла… инфоинженер в «Ксионке», – нон пенис

конина… Да, всё больше понимаю, почему она была тебе так симпатична… Всё! Ладно… Давай, ладно, в её память…

Бум поднял бокал пива, и Молох, хотя двигаться ему очень не хотелось, вторил.

Лейтенант допил оставшиеся полстакана и поднялся.

– Ну, бывай, – сказал он, – выкарабкивайся поскорее с этого дна стакана и живи дальше… Если что, держим друг друга в курсе, да?

Молох нехотя кивнул.

Бум уже сделал пару шагов к выходу из закутка, но Молох его окликнул.

– Послушай, кстати… а ты не знаешь… – он говорил медленно, пьяно, – это самое… Лукиево безумие… Оно от человека к человеку… передаётся?.. Там, через слюну… воздушно-капельно?..

– Да ну! – Бум уверенно махнул рукой. – Выброс из головы. Чтобы заразить человека, нужна прямая инъекция… Ну, скажем, выдумали эти изверги – кто бы там безумие ни распространял – что-то новое, но это же не вирус… ну, то есть… – он понял, что сам не понимает, что это, – в общем, выброс из головы! Давай, не пропадай…

С этим он ушёл.

Его уверенность не убедила Молоха, но его мысли очень скоро опять улетели к чему-то другому.

Когда через пару часов вышел на тёмную улицу, он приобрёл какое-то твёрдое спокойствие, которое к человеку мо-

жет прийти только через горе.

Терраса ресторана, находившегося на пятидесятом этаже, выходила на площадь, сейчас выглядящую Колизеем, где зрители были миллионными огоньками домов вокруг, а по центру сновали тысячи неразличимых фигурок. Все они, с их электродвигателями, были бесшумны, но Молох всё равно не сразу понял, хотя и почувствовал, что необычного в этих фигурах: не было автомобилей – только боты-курьеры, ремонтники и прочая мелочь. Это было странно, обычно ночная жизнь в пангороде отличалась от дневной только освещением, а сейчас будто все одновременно взяли выходной.

По другую сторону перил на небольшом выступе над пропастью сидели гаргульями информанты. Сейчас, видимо, была как раз полночь, потому что один из них стал осторожно шевелиться и поднялся, опираясь нетвёрдо о перила, – начавшиеся сутки были у него выходными.

Наблюдая за его движениями, Молох подумал, что им, наверное, должны что-то вкалывать, – в этих краях у информантов выходной был раз в месяц, всё остальное время они сидели недвижимо, прикармливаемые смесью через трубочку корпоративными кормильцами. Человек в обычных обстоятельствах, наверное, терял бы контроль над мышцами, или те бы просто атрофировались после такого долгого бездействия.

Почти минуту информант не мог перелезть через перила,

и Молох помог ему.

– Спасибо… – слабо просипел тот, только разминая все члены, включая голосовые связки.

Он снял свой шлем, придававший ему, тощему, вид птицы, и огляделся. Ещё после минуты он сказал:

– Чёрт… неудачно выходной пришёлся…

Молох его не понял, но понимающе пожал плечами. Информант поплёлся прямиком в ресторан, откуда вышел Молох.

Отстранившись мыслями от своего бурлящего страдания, он внезапно понял, что втайне от себя всё это время с особенным удовольствием фантазировал о том, как будет ходить ещё дни и многие недели мрачным и величественным, молчаливо сидеть где-то в тени. Его будут расспрашивать о том, что случилось, а он будет загадочно полуотвечать: «Свет жизни моей потух…» или «В этом мире умерла последняя искра божьей красоты…».

Во внезапной ясности, которая сходит только в глубочайшем опьянении, Молох неожиданно понял, отчего ему хотелось кричать и ломать, привлечь внимание, – он напускал себя скорбь, потому что на самом деле её не чувствовал, а знал лишь номинально, что чувствовать её ему следует.

«Всё ложь…» – подумал он, проникаясь к себе глубоким отвращением. Ведь всё-таки Ювента нравилась ему, он давно не встречал никого, подобного ей, с ней было действительно интересно, с ней он чувствовал, что есть что-то дру-

гое, большее, мир, ему неизвестный, но для него привлекательный, хотя бы сам её ум был таким миром. Вот так обойтись с её памятью: исковеркать её образ ради развлечения своей скуки – это было что-то скотское, как ему казалось теперь.

На фоне этой мысли он вспомнил о последней воле Ювенты – повесить её фотографию в холле электромонастыря, где она обучалась. Это было, конечно, не каким-то великим свершением в её честь, но, насколько он понял Бума, никто не собирался заниматься выполнением этой части завещания, так как вряд ли кто-то знал хотя бы о самом местонахождении фотографии, и Молох твёрдо решил сделать для Ювенты хотя бы это.

Он позвонил Буму. Тот ответил удивлённым голосом.

– Ты сказал, Ювента попросила повесить её фотографию в электромонастыре Исидора Гиспальского. В каком именно? Их же сотни.

– Сейчас гляну… электромонастырь с красивым номером «777». А что, решил эту фотографию отыскать? Ты же понимаешь, Ювента, скорее всего, её на облачном хранилище держала или где-то вроде того, а доступ туда возможен только с чипа-татуировки. Если даже тот, кто убил Ювенту, скопировал данные с татуировки, – а я отмечу, что это очень большое «если», – мы понятия не имеем, где его искать. Если у него хоть капля мозгов, он уже на другой планете.

– Ничего, найду.

Бум усмехнулся в телефон.

– Ну, ладно, что уж… давай, удачи.

– Спасибо.

Говоря с Бумом, он бессознательно смотрел вперёд, на площадь, и его постепенно накрывала тошнота, которую он по ошибке приписывал алкоголю. Только теперь он понял, что причиной тошноты было то же, из-за чего живая гаргулья посетовала на «неудачный выходной», – информационный шторм стал завихряться, стали появляться «челюсти».

«Челюсти» были инфометеорологическим явлением, крайней степенью штормов. Своё название они получили от того, что на рекламе, которая простирается объёмно перед глазами каждого обывателя, в период таких штормов часто начинают появляться как бы язвы, раскрывающиеся на рекламных моделях, их товарах, пейзажах, подобно челюстям. Если постараться, можно было разглядеть и зубы на таких челюстях, но вглядываться никому особенно не хотелось, потому что в условной глотке их постоянно находилось нечто неприятное, как искажённые лица, оскорблённые религиозные и государственные символы, порнография или просто размазанные, насыщенные цвета, всегда отдающие чем-то неестественным, какой-то жизнью, благоухающей в том роде, как благоухает она в куче навоза, – как бы недра Интернета вскрывались и перемешивались друг с другом, реализуя безумный план слетевшего с катушек неизвестного искусственного интеллекта. Но это могло бы быть и ничем осо-

бенным для искушённого современного общества, если бы не ритм: челюсти всегда налетали на образ резко, расправлялись в нём, большие и маленькие, мелькая своим похабным и бессмысленным нутром, и эти образы впечатывались в глаза и заставляли думать о том, о чём тебе и не хотелось думать, а если бы ты и решил продолжить смотреть на челюсти, то очень скоро почувствовал бы тошноту и головокружение из-за вот этого специфического ритма – переливчатого, как будто беспрерывного, но вместе с тем и отчётливого.

Впрочем, то лишь только внешняя сторона, видная широкому обывателю, из-за чего явление и получило название, но проблема была и в том, что делали «челюсти» с внутренними операциями Сети. Многие компании теряли деньги из-за того, что за них заключали сделки, о возможности которых они и не предполагали; банки, государства – всем приходилось продумывать каждый шаг, а порой всё равно терпеть потери.

Существовали способы обхода и защиты от «челюстей», но это в любом случае было крупномасштабной неприятностью. Странно было то, что налетели они так быстро: штормы начались всего два или три дня назад, а «челюсти» обычно могли предсказать за месяц или и того больше.

Впрочем, для людей вроде Молоха, существующих как бы на окраине социальной жизни, это всё не имело значения. Его все так же ждали завтра в баре с его трубой, очередную его депрессию «челюсти» могли только развлечь.

Глава 3. Уроборос

На следующий день, проклиная свой высокотехнологичный век, про себя называя его «будущим из жопы», за то, что человечество осваивает звёзды, но всё ещё не умеет лечить похмелье, Молох шёл в «Утреннюю звезду». Хотя на всякий случай он взял с собой трубу, от концерта он отвертелся и только хотел расспросить о «Зомбификаторе», в который, по лучшему на настоящий момент предположению, Ювенте подсыпали яд.

Бармен был на втором этаже, а внизу оставшиеся двое из трио Молоха играли вместе с приглашёнными музыкантами. Со скрытой завистью Молох увидел, что такой состав публике нравится гораздо больше.

Он обратился к бармену:

– Могу я с тобой поговорить наедине?

Тот тоже был не в духе. Рядом на пол рухнул парень с растопыренными во все стороны волосами и задёргался, как в припадке.

– Танцует, наверное, – предположил бармен.

– Так что, поговорим?

К ним подбежала худая, как щепка, девушка, чью юбку можно было принять за ремень, и будто пожаловалась Молоху:

– Угостите барышню выпить!

Она была настолько пьяна, что её глаза казались косящимися в разные стороны.

– Я тебя тумаками угощу… – по-отечески пригрозил ей бармен.

Девушка попыталась показать язык, но вместо этого получилось что-то вроде плевка, и слюна потекла у неё по подбородку.

– Алло! Меня слышно?! – крикнул Молох через музыку.

– Да пошли, чёрт тебя, я всё равно уже час курить хочу. Только настрою эту чёртову машину.

Он повернулся к автоматическому официанту и со всей силы пнул его в бок ливреи.

– Человек! Коньяку! Дважды! – отозвался официант.

На этом настройка машины закончилась.

– Будущее из жопы… – прокомментировал бармен.

Он целый вечер пытался с ним сладить, но официант наливал на любой заказ зелёный вермут, а попытку оплатить его принимал за оскорбление.

На улице бармен первым стал жаловаться:

– Чёртовы «челюсти»! У меня эти боты в локальной сети, почему их-то задело! Это какая-то настоящая буря. Людей на улицах нет, банки закрыты… Чёрт знает что…

Он явно чувствовал, что Молох пришёл со своими проблемами, и пребывал в том настроении, когда чужие проблемы решать очень не хочется.

– Ты знаешь, что такое «Зомбификатор»? – спросил Мо-

лох прямо.

– Слышал, да… О! Глянь, вот им хорошо…

Он указал на механистов, с цистерной подъезжавших к подземному озеру.

Механисты считали улучшающие человеческую плоть имплантаты великим божественным благом, но Интернет – дьявольским злом, так что не пользовались им. В подобные времена они действительно чувствовали себя наиболее комфортно.

Цистерну пустили прямо по камням, чтобы не делать крюк по дороге, и она комично прыгала на своих четырёх высоких колёсах. В один момент она подпрыгнула слишком высоко и, приземлившись, начала заваливаться. Один из механистов выпрыгнул из кабины и подхватил её, десятитонную, на полпути. Она остановилась, но вернуть на место сил у него не хватало. Подбежал второй. Оттуда раздалось:

– Але!

Цистерна встала на место.

– Оп!

Механисты поехали дальше.

– Глянь! Глянь! – комментировал бармен.

– Я отстану, как только ты мне скажешь, у кого его можно купить, – устало проговорил Молох.

Только теперь бармен посмотрел на него.

– Зачем тебе? Не тяжеловато?

– Не для меня, для друга.

– Очень нужно?

– В петлю лезет болезный.

Бармен покачал головой, понимающе улыбаясь.

– Ладно, есть пара человек… Я тебе скину адрес… А. Погоди. Как я тебе сброшу? Интернет, считай, упал. Если в чужие руки попадёт, со мной никто и словом больше не обмолвится.

– На бумаге напиши.

Молох достал блокнот с ручкой.

– Ёлки… – усмехнулся бармен, – я со школы ручкой не писал. Ты что, и правда, из прошлого тысячелетия, как о тебе говорят?

– Не рудимент, а рыцарь.

Бармен всё же записал ему три адреса известных ему людей.

Перед уходом Молох оглянулся напоследок на «Утреннюю звезду». Почему-то ему казалось, что он сюда больше не вернётся, и, если подумать, он был и не против, что ему нашли здесь замену и не будут скучать. Сейчас он вспомнил: утренней звездой был раньше Люцифер, – ему символичным показалось, что он начинает подъём от чёрта выше, ведь тот электромонастырь, где училась некогда Ювента, находился на самой поверхности, под небом.

Молох попытался отмахнуться от этого символизма, объясняя его себе похмельем, но как-то он действительно иначе себя чувствовал.

Он пошёл к метро, подниматься по адресам наркоторговцев.

Первый адрес оказался бестолковым. Человек, встретивший Молоха, был укурком, который мог бы продать ящик «Зомбификатора» и милиционеру, если бы тот вежливо попросил. Человек искренне пытался припомнить Ювенту по фотографиям, но, извиняясь, ничего не вспомнил.

Молох вышел от него сонный, похмелье брало своё. Ему надо было выспаться или выпить, но мог бы потребоваться трезвый рассудок, и ему казалось как-то несерьёзно и обесценивающе для его миссии отправиться сейчас спать в тёплую кровать.

Ещё один адрес он оставил на потом, потому что тот торговец не встречался ни с кем лично, всё передавал через курьеров или тайники, надо было ещё придумать, как до него можно было бы добраться.

Скрестив пальцы, в одиннадцатом часу ночи Молох вошёл в огромный кратер жилого комплекса «Уроборос-90», где находился третий адрес. Это всё ещё был один из нижних уровней, здесь жил либо пролетариат, либо асоциальный элемент.

Огромный круглый дом, бывший горным хребтом этого жилого комплекса, заключал в себе несколько кварталов многоэтажных домов, не достигавших потолка уровня. Сейчас транслируемое небо было беззвёздно, и Молоху казалась некая заключённость, безвыходная герметичность в этом ме-

сте, как будто они все находились внутри астероида, несущегося через пустоту без звёзд, без галактик.

Но здесь было и отчасти свободнее, чем на уровнях выше: наверное, было это связано с малым количеством информантов. Там, наверху, они сидели повсюду, на парапетах, перилах, у стен, складываясь друг с другом в пирамиды. К их неподвижным фигурам легко было привыкнуть, наблюдая их каждый день, а всё-таки это были живые люди, и, всякий раз натыкаясь на них глазами, нельзя было почувствовать себя в одиночестве.

Он пошёл по главной улице, отчасти потерявшись здесь. Едва он начал переходить дорогу какого-то переулка, прямо на пешеходном переходе его сбила поздно начавшая тормозить машина. Молох упал, и машина быстро объехала его, наскочив на тротуар. Кажется, водитель специально приоткрыл окно, чтобы Молох мог слышать его заливистый смех.

Молох, хромая, отошёл к стене дома, и к нему подбежала женщина с лицом, очень вызывавшим доверие.

– Всё хорошо? С вами всё в порядке? – обеспокоенно причитала она.

Только Молох хотел её успокоить, как почувствовал, что её руки шарят у него где-то в районе внутренних карманов пиджака. Он даже не стал её останавливать, потому что, кроме бланк-телефона, как все цивилизованные люди, никаких ценностей с собой не нёс. Он только стал долго смотреть ей в глаза.

– Ну ладно, хорошо… – пробормотала женщина, разочаровавшись что-то найти.

Притом с этим она не ушла, а лёгким подталкиванием стала отсылать Молоха, как будто вежливо выпроваживала разговорчивого гостя на пороге.

«Ну и манеры у них здесь, – думал Молох, хромая прочь, – хоть проснулся немного, и за то спасибо»

Неоновые вывески сверкали так обильно, что перспектива сбивалась, повороты и дороги сложно было заметить, казалось, он идёт сквозь взвесь неона под чёрной бездной неба, где только дроны со своими посылками и камерами крутились, как вороньё над полем битвы – или без неба, как мухи над люминесцирующим в гниении дерьмом.

От этой свалки у него начинала болеть голова.

«Надо поесть сахару, – думал Молох, – сахар помогает при похмелье. Нет, сначала к дилеру, дилер что-нибудь даст. Нет, нельзя, лучше сахару. Тогда сначала сахару…»

Не знаю, откуда он взял эти сведения про сахар, но когда он съел пирожное с кофе в уличной пекарне на колёсах, он действительно смог взять себя в руки и начать искать адрес.

Дилер жил в стене кратера, в подпотолочных этажах. Подняться туда можно было так же свободно, как пройти по улице, но здесь уже начинались общности, полуплеменные сообщества, и чем у́же они были, тем больше неприязни Молох чувствовал во взглядах.

На больших планах эвакуации, вывешенных, как карты

отделений в больнице, и исписанных, и изрисованных, план помещений казался прост, геометрически правилен, но в итоге очень сложно было сориентироваться в коридорах и общих помещениях, которые из-за многочисленных торговых и игровых автоматов, кластеров бланк-техники и парковочных мест для ботов и мобильных средств передвижения казались сливающимися в единую, вечно ширящуюся или сужающуюся кишку, какой представляется порой ночная улица, переполненная людьми.

Всякий этаж, то есть остановка лифта, включал два этажа квартир. Входы в те квартиры были как бы с двориков или залов с антресолями по второму этажу. Тёмно-синие стены с рельефом чешуи и лёгкой позолотой, перила и ступени под камень производили впечатление величественной старости, а вместе с этими антресолями поднимались образы отелей и салунов из фильмов о древнем Западе. Впрочем, правильнее сказать, такое впечатление осталось бы, не будь здесь людей: сейчас, когда Сеть по большей части сделала ручкой, люди оставались дома без работы и успели заскучать без неё, их монотонные домашние развлечения не могли удержать внимания третьи сутки, и эти высокие коридоры освещали своими многочисленными неоновыми цветами отдающие тоской лица, казавшиеся в чём-то мертвецкими. Молоху казалось, что именно в таких толпах созревает нередко та бессмысленная, жёлчная ненависть со скуки, которая перерастает в жутчайшие события, когда даже зачинщики чешут в затылке и

не могут понять, с чего, собственно, всё началось.

Поднявшись на этаж, где жил искомый дилер, Молох несколько потерялся, оглядывая этот народ, эти помещения. Он подошёл к сигаретному автомату, оглядывая ассортимент, не находя того бренда, который обычно курил. Прямо на этом автомате, между прутьев, поддерживающих антресоль второго этажа, сидели два ребёнка. Мальчишка, помладше, по-обезьяньи качался на завитке арматуры, а более мудрая девочка сидела по-турецки, пусто глядя вниз на Молоха.

– У нас телевизор стал показывать про мир животных. Какие идиоты до сих пор смотрят про мир животных? – последнюю фразу девочка взяла, видимо, от родителя.

– Мы смотрим. Там интересно. Ты знала, что раньше кошки носили жёлтые платья и ходили на четырёх лапах?

– Чепуха, только люди раньше ходили на четырёх лапах. У нас про это реалити-шоу было. А почему ваш мир животных у нас показывают?

– Я не знаю, у нас тоже показывают не то, что мы хотим. Комедии… – последнее мальчишка сказал важно, будто только недавно узнал это слово, – ты видела ту комедию, где люди женятся, заворачиваются в куколку, а потом появляется паук с двумя лицами?

– Наверное, всё перемешалось, поэтому дома и скучно теперь.

– Так всегда теперь будет? Это конец света…

Девчонка тяжело вздохнула и тоже, очевидно, цитатой от взрослых подытожила:

– «Челюсти»…

– Чего не спите, детвора, не поздновато? – весело спросил Молох.

Оба ребёнка посмотрели на него, как на заговоривший пень, – толпа взрослых явно смешалась для них и стала общей неодушевлённой массой, которой нет дела до них, а потому и им до неё не было дела.

Купив каких-то сигарет, Молох отошёл в единственное тихое место, где бы его не толкали, – в угол коридора, под бок автомата с напитками, – и закурил. Он видел сейчас квартиру, где жил дилер: 2848. Дверь казалась самой обыкновенной, даже дверь прямо под ней была более обшарпана, и не поймёшь, что проживает асоциальный элемент.

Впрочем, прямо сейчас из квартиры дилера вырвалась девушка в явно расстроенных чувствах. Она кричала что-то внутрь квартиры, и её слов Молох не разобрал, но ответ ей расслышал отчётливо:

– Да, прощай…

Это было сказано как-то холодно и отчётливо, и как будто бесчеловечностью веяло от этой фразы, хотя и неясен был контекст. Всё же девушку, которую явно связывали с отвечавшим мужчиной долгие отношения, этот холод шокировал, так что слёзы высохли в момент у неё на лице. Она закрыла дверь и устремилась прочь.

К Молоху подошла пожилая тётка сварливого вида и молча показала куда-то, даже не глядя в том направлении, Молох мог понять, что там висит знак, запрещающий курение. Тоже молча он показал на потолок, где шелестела, как сухая листва, клапанчатая сетка вентиляции, покрывающая где-то треть всей площади потолка как в коридоре, так и в общем зале. Такая вентиляция могла, казалось, вытянуть из тебя табачный дым ещё до того, как ты его выдохнул.

Но тётка недовольно покачала головой и отошла, а через полминуты подошёл работник ЖК с угрозами штрафа, бессловесно истекающими у него из глаз. Молох затушил сигарету, выбросил в урну и вышел на общий балкон – огромную террасу, тянущуюся по всей окружности кратера, – чтобы покурить легально.

Где-то виднелись клумбочки, маленькие садки тех обеспеченных жильцов, кто мог себе позволить роскошь ухода за живым растением. Взрослая молодёжь, кажется, бездельничала здесь так же, как те дети в зальчике: тешила себя бессмысленными разговорами и пыталась скоротать время до того момента, когда что-то интересное начнётся или скуку можно будет снова закармливать информационным потоком.

Только одна четвёртая квартир того блока, из которого вышел Молох, имела окна, они выходили сюда. Во многих блоках окон не было вовсе – бетонные коробки.

«А когда-то, возможно, люди не могли представить окно,

из которого не видно настоящего неба, – пришла ему в голову странная мысль. – Неужели мы в своём прогрессе действительно только сходим всё ниже, и нет ни спасения, ни надежды на него?» – ему саморазумеющимся казалось, что эти безоконные жилые комплексы были будущим всего жилья, точно так же как его жилой комплекс древним людям казался бездушным средством к выживанию.

Отсюда было всего четыре этажа до потолка уровня. Если снизу представлялось, что информационные панели просто выключены, то здесь создавалось впечатление, что они именно транслируют черноту, более того, что именно бездна, а не информационные панели нависли над домами.

Что-то штормовое, озонировано свежее, трезвящее и тревожное казалось Молоху в окружении. Он и не мог сказать, дело в месте, в настроении людей вокруг или в этих «челюстях».

В перила террасы был вмонтирован модуль умной рекламы. Заметив, что Молох смотрит в одну точку более пяти секунд, модуль развернул перед ним голографическую проекцию. Там заплясал старичок в шляпе, успевший за три секунды прорекламировать три фирмы. Его конечности неестественно удлинялись до тех пор, пока не отпали, дав место другим, больше походящим на конечности ящерицы, а вместо глаз моргали два как бы рта миног.

Он затараторил, дублируя свои слова цветастыми надписями, появляющимися вокруг него:

– В дорогу с… мирный… Пилюлями «Ксион-Опам», – глаза его заменились двумя схематично нарисованными синими Бафометами, символами «Ксионка». – Засни… милый… чтобы не просыпаться! – без запинки шляпник переключился на рекламу ритуальных услуг, почему-то одеваясь в цветы. – Мило, мало… жизни мало… Приходите, вас не стало…

Это был самый гадкий тип рекламы, когда цвета и формы подбирались специально в соответствии с инфонейронными ритмами наблюдателя, примерно вычисляемыми по движению глаз и физиогномическим характеристикам. Из-за этого реклама приобретала гипнотический эффект, и, даже когда наблюдатель отводил глаза, какое-то время у него оставалось зудящее желание вернуться к ярким соцветиям и пухлым формам.

И в мирное время такая реклама была гадкой, потому что заевшей пластинкой оставалась проигрываться где-то на подкорке мозга ещё долгое время, теперь же Молоха чуть не вырвало, ведь к обычной назойливости этих образов добавлялись штормовые ритмы.

Только силой оторвавшись от неё и проморгавшись какое-то время, Молох понял, что почему-то здесь транслировалась реклама «Ксионка» – компании, не имевшей особенной сферы влияния в этих краях. Оттого он вспомнил о Ювенте.

«Кто-то, кажется, ещё о жёлтом платье при мне упоминал,

как на её фотографии…» – смутно припомнил он детей на сигаретном автомате. Он, впрочем, отмахнулся от этих совпадений, посчитав, что, как это бывает, видит образ своей милой во всякой луже.

Отойдя от угла, где ему навязалась реклама, он случайно оказался рядом с двумя девушками и подслушал их разговор. Первая жаловалась:

– …чёртов имплант так и не починила, уже третий день блевать тянет…

– Какой имплант?.. А, Шал-Лайл?..

«Шал-Лайлом» была фирма имплантов дополненной реальности.

– Да он… Притом я же отключила его от Интернета, но всё равно какая-то дрянь… это даже не шторма, а как будто кто-то мне в голову залез…

– Так почини.

– Да ведь денег нет. Я в фонде Штерна, а эти кретины, которые там всем руководят, не смогли, видите ли, «челюсти» предвидеть. Второй день пытаются поднять, с минуты на минуту все восстановят…

Второй день: «с минуты на минуту»?

– А ты не сможешь мне занять? Я даже спать нормально не могу.

– Да займу, чего уж там…

– Спасибо, как эту срань поднимут, я тебе верну…

Её подруга теперь ещё больше повернулась лицом к Мо-

лоху, и тот увидел укоренившиеся воспаления у неё под глазами, своего рода потёки туши, как если бы она недавно плакала, а тушь её была розоватого цвета. От привычки они уже легко сходили с её лица, да и она маскировала их макияжем, но всё же можно было понять, что она работает тестировщиком тех психосоматических консолей, которые используют на скоте для плодородности. Такие отметины отличали людей этой профессии. Он заметил, что она была в водолазке с высоким воротом и длинным рукавом, – тоже мода, известная за тестировщиками: чтобы скрывать шрамы от кровопусканий и инъекций.

Первая девушка продолжила:

– Мне порой кажется, что я с ума схожу. Вчера я перестала небесные панели видеть, вместо них только темнота…

– Так их и выключили.

– Да? – Девушка показалась озадаченной. – Ну нет… это что-то большее… Там как будто пустота надо мной, и чем больше я туда смотрю, тем больше мне кажется там. Но это я не внутри её вижу, а у меня в голове возникают образы… Причём такая жуть, какие-то кошмары…

Девушка запнулась на долю мгновения, а потом заговорила чаще, будто решилась сказать что-то важное и хотела договорить, пока подруга её не перебила:

– Я говорила, что в детстве боялась глаз? Точнее, видела их повсюду, во всякой форме, которая бы напоминала глаз, и мне всё казалось, что за мной кто-то наблюдает. У меня

подозревали шизофрению, но в итоге это был просто детский страх, надо было только в терапевтическую игру играть. Так я и избавилась от этого, стала общительней, а теперь всё опять вернулось, но это что-то совершенно другое. Мой бывший, Лю Цинь, с его «не на помойке себя нашёл», начальник с прошлой работы, мачеха. Я где-то замечаю глаз, – ну, то есть что-то, напоминающее его по форме, – и мне всё время кажется, что это кого-то из них или ещё кого-то. Смотрят, ожидают, осуждают. И я не могу от этого избавиться: если я нахожусь в комнате, где уже увидела один такой глаз, то не могу уже там находиться. В своей квартире я уже штук тридцать нашла… А теперь… теперь… – девушка посмотрела наверх, на небесные панели, скривив лицо в выражении горечи и отвращения, – теперь я вижу два огромных глаза вместо неба…

– Да уж… – протянула её подруга, – ну, сходи, почини имплант, я тебе дам… хотя это странно, конечно, если ты Интернет отключила…

Девушка покачала головой:

– Я уже не знаю, если эти сволочи из фонда не распердятся, я просто пойду и потребую, чтобы они меня в гибернацию положили бесплатно. Я серьёзно опасаюсь, что с ума сойду, истерики начнутся…

– Ты знаешь, ты сейчас об этом рассказала, и я вспомнила, что у меня тоже дополненная реальность рехнулась… У меня же есть модуль с питомцами, он тоже стал глючить… Я

его уже отключала, отключала, а он сам собой возвращается, притом, что Пышка, что Пончик ходят на двух лапах в форме – чьей бы ты думала? – «Ксионка», и так всякий раз падают на что-нибудь поострее то головой, то животом… Растекаются по всей квартире… Однажды я домой вернулась, а у меня в ванне как бы океанический водоворот, но только он состоит из их частей: кишки, глаза, – вопила на всю квартиру… Я понимаю, что это голограммы, и им на самом деле не больно, но всё равно жутко… И ведь я тоже от Интернета их отключила, и сам модуль… Он, наверное, к станции умного дома подключён, и та сбоит…

Первая девушка заметила, что Молох вслушивается в их разговор, и смотрела на него какую-то секунду. Замолчав, подруга проследила за её взглядом. Молох не смог быстро найтись и выдал только:

– Хорошая погода, да?

Обе они посмотрели на него, как на придурка, но Молох успел уйти первым.

«Снова „Ксионк“…» – думал он о только что услышанном.

Неоднократное упоминание «Ксионка» в местах, где эта компания не имела филиалов, потому имело значение, что шторма, подбирающие образы, которые встраивали затем в искажаемый сюжет, не брали случайное изображение со всего Интернета, а действовали более эргономично: скажем, если они хотели испоганить телепередачу в квартире 16-12,

имплантируемые органы они брали из телепередач со всего блока 16; если передача шла в 14:00, днём, органы они брали из ночной передачи, идущей в 02:00. Это, конечно, я говорю очень грубо, в качестве примера, если бы их логика была так проста, то человечество легко справлялось с ними, но логика у них была, их творения имели определённую рифму, их действия были продуктивны, не трудозатратны, собственно, потому их творения и производили такой эффект, впечатление, будто то, что они являют, могло бы существовать в теории, но, упаси боже, чтобы существовало. Как бы то ни было, если человек видел определённую порнографию, демонстрируемую «челюстями», он мог вынести, что кто-то в определённом радиусе смотрел порнографию подобного рода. И когда Молох увидел символ, напоминающий клеймо «Ксионка», он мог понять, что где-то поблизости кто-то использовал технику или программное обеспечение этой компании. Из-за того же, что эти символы он встречал часто, он мог вынести, что техника или программное обеспечение «Ксионка» используется где-то поблизости довольно активно. А ведь Бум оговорился Молоху, что «Ксионк» заинтересовался расследованием смерти Ювенты, и если корпоративные следователи напали на тот же след, по которому шёл Молох, то они могли установить слежку или готовить какой-то план относительно местного дилера. Молох понимал потому, что следует сбавить шаг и действовать осторожнее, корпоративные следователи всех коммерческих компаний вообще были

известны своим пренебрежением к законам как к человеческим, так и, как говорится, к божьим. Впрочем, в котелке похмельного трубача заваривался суп не только из страха.

Где-то у лифта он видел базарные помещения и теперь решил прогуляться туда.

Вскоре он нашёл их: короткий широкий коридор с узкими столешницами по стенам упирался в маленькую дверь. Там была трёхэтажная комната, где по углам и по стенам сидели по всей высоте на приваренных рамах боты-поварята со своими котелками, жаровнями, сковородами, печками. Свет был только внизу, у дверей, а они сверкали сверху глазками-фонариками, готовые взяться за готовку. Пол у терминалов, где можно было заказать еду, был залит горелым жиром, чаем, различного рода массами, – следы моментов, когда у ботов происходило замыкание.

Молоху были знакомы подобные уголки ещё с его детства в индустриальных районах. Здесь можно было заказать блюдо почти любой национальной кухни, и любое блюдо на вкус будет как любое другое. Молох знал наверняка, что, хотя через терминал нельзя купить спиртное, где-то здесь можно отыскать человека – это всегда был живой человек, а не робот и не автомат, – который продавал бы алкоголь.

Молох заказал обед не глядя и присоединился к ужинающим. У столешниц стояло мало людей, обед ночной смены был ещё не близок, и присутствовали в основном те, кто закончил дневную смену или имел вовсе выходной, и теперь

на закате дня собрался с товарищами выпить и закусить где-то в отстранении от общества. Все были люди ручного труда, те, кто продолжал привычный ритм и в недели шторма. Это место, хотя прямо за углом был лифт, оказалось как бы тихим закутком как раз потому, что было в двух шагах от того, чтобы быть оживлённым суетой: всё здесь просматривалось слишком хорошо для любого случайного прохожего, и потому ни влюблённые, ни наркоманы не могли бы уединиться здесь. Тут негде было присесть, не было тени, и потому это место досталось тем людям, которым наплевать на взгляды, тень, стул, которым для комфорта нужна только столешница в двадцать сантиметров шириной.

По привычке Молох полез в телефон покопаться в новостях. Ему было недостаточно двух упоминаний «Ксионка», для верности он хотел найти хотя бы третье, но ему всё не везло. Не раз и не два штормы приносили образы голубого океана, ещё несколько раз туманного города – эти образы повторялись регулярно и, в отличие от остальных, были удивительно нейтральны, даже приятны порой. Почему-то, глядя на них, он опять вспомнил о Ювенте, хотя этого объяснить уже не мог, как будто было что-то, связанное с океаном и туманом, что он видел в её квартире, но он не был уверен.

Символики «Ксионка» всё не было видно. Молоху казалось, что сам выдумал какую-то чепуху, сам об неё запнулся и теперь застыл в нерешительности, не зная, ломиться ему к дилеру силой, врать, что придёт в голову, или вообще воз-

вращаться домой. Его раздражало это до омерзения. В одну сторону или другую, но следовало совершать решительные шаги.

Он отложил телефон и наконец-то решился выпить, он знал, что в степени его похмелья выпить ему придётся прилично, пока алкоголь не перестанет быть лекарством и станет средством увеселения, но ничего иного, чтобы встряхнуться, он сейчас не мог придумать.

Однако как раз теперь он расслышал разговор трёх мужчин неподалёку. Это были как раз люди, отдыхавшие на выходном, выпивавшие и беседовавшие в стороне. Они обсуждали какие-то житейские, квартирные вопросы, скучные вещи, веселившие их только потому, что были они пьяны, но Молох из их разговора понял, что мужчина в сером плаще с грубыми руками, – видимо, ассенизатор, наверняка носил пистолет у бедра, – жил в двадцать восьмом блоке, в том же, где жил дилер.

Молоху не нужно было стараться, чтобы расслабить мышцы лица до состояния, в котором они находятся у пьяного, он только припомнил, как говорит, когда выпьет, и подошёл к этим трём со своим поддончиком из рисового вторсырья.

– Хгражда-дане! А, хграждане… Эт самое, я подслушал, вы из моего блока… Я, то есть… недавно переехал…

Троица была уже весёлой, да и, видимо, в принципе пребывала в хорошем настроении из-за своих грядущих выходных, и его приняли радушно, с интересом глядя на трубу у

него на плече, которую он с собой так и носил.

– А! Сосед! Здорова! Давай, будем знакомы.

Ему сразу протянули крахмаловый стаканчик с чем-то серо-коричневым в нём.

– Ни-ни-ни! – испугался Молох. – Вы что, я трезвен-ник!

Для доказательства он сделал выразительный жест своим поддончиком.

От ассенизатора исходил характерный запах: токсичные воды забивались в поры, приводя верхние ткани к неизлечимому гниению. Ассенизатор явно пытался скрывать этот запах помадами, но, когда он пробивался, Молоху было сложно оставаться в роли.

– Я, вот что… у меня сосед какой-то… Эт самое… В двадцать восемь – тридцать второй… Я не могу понять, у него, что ни день, то оргии… Я же по ночам работаю… вот… Мне днём надо спать… А он гудит… А как ни зайду… его нет!..

Ассенизатор со знанием дела посмотрел на него:

– Двадцать восемь – тридцать два? Ты что-то путаешь, туда только вчера три мужчины заехали. Я от них ни шороху пока не слышал, да и что слышать-то? У нас же стены…

Он выразительно постучал по лбу.

– А! Стоп… – Молох делал большие глаза, пошатываясь. – А! Нет, стоп… Я сказал «двадцать восемь»? Двадцать семь! Ёлки, так это я не у вас… Это я раньше в двадцать восьмом жил… в этом… в «Трёх башнях-14»… так это я не у вас.

Мужчины понимающе кивали.

– А если у тебя шумят, то это у тебя стенки прохудились, – экспертно продолжил ассенизатор, – там какой-нибудь богач, наверное, две квартиры соединял, перегородку снёс, а потом восстановил задешево, когда сдавать решил… в аренду… Делают так. А от застройщика стены у нас шума не пропускают, разве что ты по ним отбойным молотком будешь елозить… Так что смело можешь вызванивать предыдущего собственника, пусть восстанавливает, как было, всё это дело известное…

– Ой! Ну, спасибо вам, мужики, спасибо…

Молох стал откланиваться.

– Что, не выпьешь, что ли, даже?

– Да нет, хватит мне… Я же трезвенник!..

Молох распрощался и нетвёрдо пошёл в сторону лифта со своим поддончиком.

Он утвердился в своей мысли и спешил действовать по этому убеждению, пока не нашёл в нём изъяны, которыми уж, наверное, оно было наполнено. Квартира, в которой жил дилер Ксюшка Туфелька, имела номер 2848, а в квартиру прямо под ней, 2832, только вчера заехали три мужчины, от которых не было слышно ни шороху. Молох видел в них следователей «Ксионка», установивших слежку за Туфелькой.

Вообще-то, он свёл всего два совпадения к одному желательному для него самого выводу, и шанс, что это действительно было так, был где-то один к сотне. Впрочем, хотя за Туфелькой следил и не «Ксионк», план Молоха всё же сра-

ботал, так что не мне его критиковать.

«Ловкость рук, и никакого мошенничества, – мысленно готовил себя Молох, – ловкость рук… мошенничества – нуль… ловкость…»

Он постучал в квартиру 2848 и сразу попробовал ручку двери. Оказалась незапертой.

– Э-ге-гей! Хозяева! – крикнул он в коридор. – Героином здесь…

Он запнулся, увидев двух мужчин, стоявших неподвижно в дальнем от него углу главной комнаты.

Они смотрели на что-то, в темноте тускло светящееся, но невидное Молоху. Мужчины стояли неестественно неподвижно, и Молох прошёл в комнату, стараясь не смотреть прямо по направлению их взгляда.

Мужчины: один – щуплый, с длинным лицом и в кубинских сапогах – дилер Туфелька, второй – раза в два был больше первого и на голову выше, имел осанку гориллы, кучерявую бороду и лысую голову.

Молох смог понять, что смотрят они не в компьютер и не в телевизор, лишь по тому признаку, что телевизор висел на левой стене, сразу после прохода на кухню, а компьютер стоял в правом углу, куда Молох напряжённо пытался смотреть, чтобы не встретиться взглядом с гипнотическим образом. Там что-то переливалось, – переливалось в том роде, в каком роде штормы осциллировали, – но было что-то ещё, что-то сверх того. Молох мог угадать человеческую фигуру,

стоявшую как будто на возвышении в углу, будто висевшую даже в углу на самом потолке, но в таком уже виде, что и сам потолок в том месте должен был бы подниматься, а стены уходить вглубь, вдаль. Его не покидало странное ощущение, что двое мужчин и фигура каким-то образом общаются, хотя в комнате стояла тишина.

Правая стена сразу после многосложной компьютерной станции была заставлена развлекательными аксессуарами – музыкальными и игровыми, а по низу её валялся разный хлам: пара дорожных сумок, пластмассовые коробки, какой-то мусор и три бензиновых канистры.

Эти канистры стояли как-то отдельно, всё остальное, даже на шкафу, лежало абы как, но эти три были сгруппированы и приставлены к стене.

Молох прочитал гравировку: «СевШокОйл». Она была сделана ручным штампом, и, хотя Молох не имел справочной осведомлённости, он предположил, что «СевШокОйл» – маленькая компания.

В этом случае ему приходилось только предполагать, ничего наверняка он не мог бы сказать, и сейчас он поставил на то, что в этих канистрах Туфелька забирал свой товар у поставщика. Но этого ещё было мало.

Припоминая разговор девушек на общем балконе, он стал искать какой-нибудь голографический модуль, проектор или нечто подобное, чтобы отключить гипнотизирующую фигуру. Это оказался модуль с питомцем, висевший на стене над

телевизором. Молох хотел взглянуть на фигуру прямо перед тем, как она исчезнет, но у него не получилось обернуться вовремя, и он только увидел нечто вроде сворачивающегося взрыва: сотни всполохов, щупальцеобразных конечностей, вытянутых лиц простирались и удлинялись, только чтобы устремиться к центру, завернуться в спирали, а потом схлопнуться, – это произошло в какую-то долю секунды. Единственный оформленный образ, который Молох заметил, было что-то вроде жёлтого халата, в него была одета изначальная фигура.

Мужчины как-то осели, их затрясло, с характерным звуком здоровяк обгадился в штаны, а Туфелька, шатаясь, как пьяный, едва переставляя ноги и держась за стены, насколько возможно быстро устремился на кухню, и его вырвало в раковину.

По телу здоровяка пробегала дрожь, как будто он только вернулся с дикого мороза в тепло. Он упал на четвереньки, и болезненный смех, мешающийся со слезами, стал прорываться из него.

– Неприлично, господа, надо разумно подбирать дозы… – пожурил их Молох, предположив, что он наблюдал эффект какого-то сильного наркотика, наложившегося на наблюдение за особенно острым всполохом «челюстей».

Он включил свет и отошёл обратно в коридорный проём.

Лысый мужчина с трудом поднял голову на Молоха, но ничего не смог сказать.

Когда из кухни, всё ещё шатаясь, вышел Туфелька, он, щурясь на трубача, хрипло спросил:

– Ты кто?

– Привет из компании «СевШокОйл»!.. – ответил Молох, продолжая свой шутовской тон и делая нечто вроде реверанса.

Потребовались долгие секунды, чтобы в голове Туфельки сложились какие-то шестерёнки.

– Тебя Шокриль прислал?..

Молох не стал отвечать, как будто ответ был очевиден.

– Дурная работа с госпожой Хоролилиевой, что вы скажете? – сказал он.

Второй мужчина наконец нашёл в себе силы и добрался до ванной, чтобы сменить грязное бельё.

Туфелька как будто не услышал Молоха, а только тупо уставился в пол.

– Ксюха, у тебя запасных штанов нет? – приглушённо донеслось из ванной.

Туфелька всё ещё не шевелился. Молох пошёл к комоду под телевизором и среди вещей внутри его нашёл мешковатые спортивные штаны, которые могли бы подойти крупному мужчине. Он отнёс их к двери в ванную.

– Крест… – позвал Туфелька, – так это теперь будет расходиться по всему Интернету?

Крест не ответил. Через минуту он вышел из ванной, говоря сам себе:

– Помирать в чужих штанах, вот уж здорово…

– Крест… – снова позвал Туфелька.

– Да. – Резко и твёрдо ответил тот. – Будет.

– Мне нужно покурить… – пробормотал дилер и направился к шкафу с его игрушками.

– Тебе, быть может, пару дней жить осталось, не хочешь их, может, в трезвом рассудке провести для разнообразия? – окликнул его Крест.

– Чёрта с два…

В общем-то, Молох уже получил имя их поставщика – Шокриля, но ему уже было интересно, что у них здесь происходило.

Заметив на себе тяжёлый взгляд Креста, он сказал:

– Не знаю, что здесь у вас происходит, но Шокриль меня позвал сказать вам, что «Ксионк» спустил своих псов. Они должны быть уже близко к вам. Босс улетает с Земли где-то в четвёртом часу утра, берёт вас с собой, если интересно.

Туфелька нервно рассмеялся. Он воскликнул хрипло и с каким-то глубокосидящим ядом:

– Вот так щедрость от этого пня! Подумать только! Он что, сам своих травок объелся со стресса? Старый скот! Говноед! Ведь он мне эту работу предложил… Чёрт бы меня… – голос его уже дрожал, тревожимый подступающими слезами, – чёрт бы меня… капсулку подложи… своей постоянной клиентке… какая же я сволочь! Старый хер! Как милосердно с его стороны!

Туфелька рыскал по своему шкафу, слепо шаря руками, возвращаясь по нескольку раз на одно и то же место, явно забыв уже, что и ищет.

– Да успокойся ты, присядь… – тоже хрипло, но с какой-то мягкостью посоветовал ему Крест, – если бы не ты, так кто-нибудь другой её сделал… Ты только бы не знал, что происходит вокруг…

– Это что, должно мою совесть очистить? – взвизгнул Туфелька, прыжком обернувшись.

– Только помочь встретить реальность лицом к лицу, – прочеканил Крест.

Туфелька посмотрел на него долго и с ненавистью, затем развернулся обратно к полкам.

Повисшее молчание опять прервал Молох:

– Ну, что могу сказать… Может, в нём искра человечности во мраке сгустившихся над нами туч проглянула?..

Крест стоял уже какое-то время, прислонившись плечом к стене и склонив голову.

– Лети с ним, Туфелька… не такой ты плохой человек…

Но Туфелька уже впадал в какое-то помутнение.

– Ты не знаешь, что я за человек! Да чтоб мне провалиться! Как это вообще могло получиться! Как я мог оказаться в центре этого всего?..

Он взял такой тон, будто собирался ещё долго говорить, и Молох его перебил:

– «Ксионк» у нас под дверью. Берите свою копию татуи-

ровки Хоролилиевой и рвём когти!

– Откуда у нас-то копия?.. – устало начал Крест, но уже после слов о «Ксионке» под дверью они все поняли, что в комнате что-то изменилось.

Это открылась дверь. Вошедший открыл её так медленно и тихо, что об этом можно было понять лишь по тому, что в квартиру стали проникать звуки из внутреннего двора.

Молох, ожидая худшего, сделал движение в сторону кухни, но прямо между ним и проходом оказалась тумба, об которую он споткнулся и на которую сел.

– Всем стоять, – произнёс мягкий женский голос.

Обернувшись, Молох увидел высокую женщину в плаще. На поясе вместо бляхи красовался значок инквизиции.

Молоху не доводилось ещё сталкиваться с этой организацией, но он был наслышан о её методах, так что истошно завопил:

– Следственный комитет! Лейтенант Бум! Не стрелять!

Это заставило инквизиторшу сбавить на секунду шаг.

Крест только поднял руки и стал отступать вглубь комнаты, а Туфелька в это время всё же нашёл что-то у себя в шкафу, но только это был не наркотик. С каким-то странным хохотком, происходящим из глубины живота, он вышел к коридору приговаривая:

– Я-то не такой человек! Я-то!

И стал стрелять из небольшого ручного пистолета в сторону двери. Угадав его намерение, инквизиторша упала на

пол, доставая собственное оружие из-за пояса и стреляя в ответ. Крест что-то закричал, но результатов той стрельбы, тех криков Молох уже не видел, потому что, повалив тумбу, проскочил в кухню, а оттуда врезался в окно и, разбив его, вывалился наружу на торговый автомат на общем балконе, а там, скатившись с него, помчался прочь.

Хватаясь за плечо, на которое упал, он нырнул на лестничный пролёт, взбежал на этаж выше и по террасе – общему балкону стал обходить кратер, желая выйти с другой стороны жилого комплекса.

Он не мог удержаться от смеха, думая о том, сколько ставок он сделал в своей голове и насколько ему о другом следовало думать. Ему на ум всё приходила фраза, подходившая больше его настроению, чем по смыслу к ситуации: «тяжело прийти к спасению, так же тяжело, говорят мудрецы, как пройти по лезвию бритвы», – так он себя чувствовал, будто пробежался по лезвию и выскочил с другой стороны.

«За это можно даже и выпить», – подумал Молох уже внизу, как бы похлопывая себя по плечу.

На выходе из ЖК его опять сбила машина.

Глава 4. Астрозаправочная станция

Молох предположил, что, хотя и удалось ему выбраться безопасно с территории «Уробороса», всё же инквизиторы скоро бы узнали, кто он и чем занимается. По его рассуждению, ему не следовало возвращаться домой, как и не следовало искать убежища в «Утренней звезде». Не придумав ничего лучше, он позвонил Буму и сообщил, что произошло, прося убежища. Тот согласился легко, и вскоре Молох был у него с набором нового дешёвого белья, чтобы переодеться после похмельного, нездорового дня.

Бум встретил его в своей квартире с синяками, несколько кривой от нанесённых, видимо, ему побоев.

– А тебя кто достал? – спросил Молох тем тоном, который подразумевал, что и у него был анекдот для рассказа.

– Тёмная дрянь, старина. Буду с тобой откровенен: если бы дело не обернулось таким образом, я бы никогда не позвал тебя к себе, ты часть дела, вполне можешь быть подозреваемым… Но, пожалуй, нет… Я всегда следовал принципу следователя: не доверяй даже себе, но в этой катавасии больше не приходится иметь оснований, а следует играть в ставки, и ты – моя лучшая из них…

Квартира Бума выдавала в нём холостяка: одна большая комната, просторный, но объединённый санузел, в приличной степени грязная кухонька с минимальным набором по-

суды для готовки, сотейник и чайник. Здесь был маленький кухонный стол из жмых-винила, напоминавший ломберный, и несколько стульев, у стены стояла техника, немногим превосходящая ту, что можно было взять на стендах общественной бланк-техники.

– Удивительным образом я понимаю, о чём ты, – ответил Буму Молох, – но у тебя-то что случилось?

Хотя с первого взгляда Молох невзлюбил Бума, сейчас он чувствовал к нему необъяснимую симпатию, некоторое родство душ с ним.

– Дерьмо. «Ксионк» просто хер нам сунул… Неважно… Мы в чистом поле теперь с тобой… Впрочем, не знаю, со мной ли ты… они всё забрали, расследование, улики, все гранты, всё что угодно…

Бум замолчал, невидяще уставившись взглядом в пустоту. Только теперь Молох догадался, что тот был пьян.

– А лицо-то тебе кто разукрасил?

Бум ответил не сразу, после нескольких секунд молчания, и когда заговорил, то так, будто и не слышал вопроса, а говорил сам с собой:

– Пятнадцать тысяч лет человеческой цивилизации, пять тысяч лет христианской истории, две тысячи лет звёздных диалогов, и где мы оказались? Падаль… город падальщиков, мир живодёрни… Рождаемся и умираем, скидываем свои бессмертные души на конвейер переработки отходов, чтобы в навозе наших останков народилось новое поколение скота

на убой…

Он был таким человеком, который окаменевал внешне тем больше, чем сильнее внутреннее переживание мучило его, и теперь он говорил монотонно, а лицо его выражало крайнюю степень скуки, но что-то жгло его в лёгких, и он не мог усидеть на месте. Он пошёл зачем-то в ванную, включил воду и стал фыркать, вымывая лицо ледяной водой, но не останавливаясь в своём сложнопонимаемом откровении:

– Сунь им руку помощи, вытянешь обратно скелет обглоданный… х-пф… Обернись спиной, жди выстрела… хф-ф… Сложи ручки и стань глиной для чужого бесчеловечного творчества или рви глотки и… тьфу!.. низринься туда, откуда нет спасения, где сам себя возненавидишь… агх-ф… для чего? Сам не поймёшь… тьфу!.. х-тьфу!..

– Ты ужасный пессимист! – крикнул Молох ему, но Бум не ответил.

Он вышел из ванной и предложил Молоху выпить. Тот не отошёл от последнего своего загула, но согласился. Бум всё ещё смотрел на него, будто тот был плодом его воображения.

Только разделив остаток виски, Молох смог добиться того, что Бум наконец-то увидел его, а только после ещё одной бутылки, которую ему уже пришлось купить самому, он смог по кусочкам узнать историю.

Ранним вчерашним утром, пока Молох не разлепил глаз и лежал без сознания у себя в квартире, национальные следователи вместе с Бумом обнаружили безумного старого про-

граммиста, бредившего легендами цифрового мира. Тот забрёл в квартиру Ювенты, чтобы «почтить память о её печальной душе». Когда его привезли в штаб Следственного комитета, он потерял всякую связь в своих словах, не мог сказать, как он миновал охрану общежития, где жила Ювента, объяснить, кто он сам такой. В своём бреду он распространялся о какой-то демонической невесте…

– Хотя нет, – с отвращением поправился Бум, – «Супруге» – дед намеренно делал акцент на этом слове…

Он говорил о какой-то жуткой «Супруге», бороздящей пустоту со своим стадом тысяченого скота.

– Или она пасла их… или пыталась догнать… «сквозь космическую степь»…

Но нельзя было понять, в чём суть, в чём жуть «Супруги», какое она может иметь отношение к Ювенте, её смерти, какое вообще значение для хоть кого-то она может иметь, даже если воспринять бред всерьёз. Бума не интересовала его история – не по своей сути, только в той детали, что Ювента в последние дни своей жизни работала над программой с кодовым названием «Супруга», а этот дед рассказывал об инопланетном божке с тем же прозвищем. Впрочем, Бум не смог добиться никакого пояснения этому совпадению.

Почему-то, однако, именно та история заставила всю политическую ситуацию измениться. Пришли люди в чёрном, контракт на проведение расследования был аннулирован, «Ксионк» забрал все полномочия на информацию о след-

ствии себе, и о дальнейшем ведении дела – даже ведётся оно до сих пор или закрыто вовсе, Бум уже не знал.

Ему, конечно, это всё не понравилось, но его претензии никто не слушал. А на драку он нарвался сам из расстроенных чувств, и это, оказывается, и не имело никакого отношения к делу Ювенты.

Конечно, можно было понять, что безумный старик имеет какое-то значение, даже если Бум не смог распознать его сразу, но теперь тот не знал, где его можно было бы искать.

А с информацией, которую узнал Молох, Бум разобрался ещё в ту же ночь, находясь уже в состоянии, когда ему приходилось зажмуривать один глаз и подносить экран телефона почти вплотную к лицу, чтобы понять, что там изображено. Шокриль – Зизи Авель Шокриль – был владельцем заправочной станции на границе пустоши в Прибайкалье.

Молох криво, но со всем тщанием, на которое был способен, записал это всё в своём блокноте, а затем отключился на кресле у Бума.

Но хотя и глубок, и темён был его сон, то не была та бессознательная пропасть, куда он обычно проваливался напившись. Перед ним вставал ворох безумных видений, и он будто понимал что-то, но что-то такое, что хотел бы сразу забыть. Он видел империю безумца, царя без царицы, горящего неутомимой страстью к чему-то, чего никогда и не имел, и изнывающего в этой страсти, и закармливающего ту жажду жестокостью, изощрёнными пытками, конструирующего ма-

шину с тысячью деталей, каждой из которых нужна тысяча жизней для поддержания одного дня её работы, но чья цель – всего лишь потреблять миллионы жизней ежедневно. И он не знал, сам ли он тот безумец без своей Ювенты, или это весь мир – та инфернальная машина неизвестного творца; или неважны ни империя, ни царь, а важна только его супруга. И неясно было, будет ли супруга избавлением или соответствием мужу в его жестокости, и в нахождении её всего лишь замкнётся цикл и останется навек во вращении в своей бесконечной флуктуации насилия и той лишь надежды, что тщетна. И представлялась ему Ювента в свадебном платье, но была она невестой не ему, а огромному, дьяволообразному Луке, и почему-то, когда спрашивали её, берёт ли она его в мужья, она отвечала «да», а когда священник несколько раз спросил, есть ли у кого-то возражения, из-за которых брак не может состояться, никто не слышал протестов облитого кровью и хрипящего Молоха где-то на задних рядах свадебного зала.

А затем он внезапно вспоминал, как два года назад его вырвало на туфли девушки, которая с ним хотела познакомиться, и ему хотелось глаза себе выцарапать.

За те шесть часов, что он проспал, ему казалось, он раз десять вставал напиться воды, и будто больше лежал бессонный, молясь и извиваясь. И наконец, он понимал, что было это за мучение, – Лукиево безумие. Он всё же заразился от Ювенты.

«Да ну! – сказал тогда Бум. – Не бери в голову, это невозможно!» – так он тогда сказал. И Молох вспомнил это, и рассмеялся, как сумасшедший, сквозь свой бред, а потом успокоился и только подумал, что надо будет, как появятся силы, уйти от лейтенанта, чтобы не зарезать его, когда безумие полностью заберёт контроль над его телом.

Но затем он полностью проснулся, выпил рюмку виски и понял, что это был только нервный припадок от перенапряжения и истощения тела и ума этим долгим пьянством.

– Яичницу будешь? – спросил Бум, уже бывший у плиты.

– Я бы сырыми пару яиц выпил…

– Это правильно. Я их сырыми не терплю, а ты выпей.

Когда Молох уже окончательно пришёл в себя, то вспомнил, что вчера установил, куда ему следует идти дальше, – к Шокрилю на заправочную станцию. Сначала он опасался, что Бум вздумает идти с ним, не желая доверять расследование гражданскому, но тот отправил трубача, даже не перекрестив его в дорогу, и из-за этого Молох проникся подозрением, что тот знает что-то особенное.

Перед поездкой он вышел на балкон Бума покурить. Эти последние дни оказались для него напряжёнными, даже истощающими, а последняя ночь явилась пиком того напряжения.

После подобных периодов беспрерывного, судорожного напряжения человеческая душа нередко может выпасть в то бессильно расслабленное состояние, как будто все эти мыс-

лительные и чувствительные нервы, сжимавшиеся в ком, не могут больше выдерживать своих позиций и распадаются, расползаются, кто куда придётся, как ком спаривающихся змей расползается отдельными индивидуумами, истощёнными после оргии и желающими заняться, наконец, своими личными делами.

В такое состояние сейчас впал Молох. Мысли забирались в те углы душевного чердака, куда он давно уже не заглядывал, которые он давно уже забил для себя досками, и о существовании которых уже забыл.

Противоположный дом, на который сейчас он смотрел, был тоже усеян информантами: на резных рамах ресторанной террасы, среди статуй, на парапетах, – сидели они, неподвижные, как будто взирающие сверху вниз на суету под ними.

Молох не был потомственным гражданином, к каким, очевидно, относилась Ювента. Его предки тоже были информантами: людьми без ничего, которые не могли себе позволить снять или купить жилплощадь, не могли позволить образование, чтобы получить хорошую работу, не могли позволить вырастить ребёнка. Таким людям нет иного выхода, только поступить в какую-то корпорацию в качестве микросхемы, арендовать свой рассудок для корпоративных дел. Раз в месяц – выходной, в который можно было бы погулять, а затем обратно в форму живой гаргульи. За пять поколений такой жизни фамилия могла собрать за собой состояние,

на какое один человек мог бы прожить приличную жизнь или, по крайней мере, получить образование, работу, жилплощадь.

Впрочем, где пять поколений, где восемь, а где и двенадцать – это зависело от щедрости компании. В тех краях, откуда был родом Молох, обычно гражданин выходил в десятом колене, таким был и он, хотя и его наследство было не самым обильным.

Вот, теперь он думал об этом: девять человек прожили всего около двух лет сознательного существования от рождения до смерти, если считать, что жили они по дню в месяц, – всё для того, чтобы он теперь плутал, бездельничал, не имел образования и не желал его получать. Он полагал, что можно просто от этого отвернуться. Он говорил себе: они отдали жизни для меня, а не для своего представления обо мне, так лучшее, что я могу сделать, – это прожить жизнь по-своему. И всё же он чувствовал себя в чём-то очень бессовестным, бесчеловечным. Какая-то ответственность всё же лежала на нём, и он не мог от неё просто отвернуться.

«Так дальше пойдёт… – думал теперь Молох, – так ведь и я просто сдам своё семя обратно в «ДиАйЭм», народится в их инкубаторах ещё одна живая гаргулья, и ещё десять колен, пока кто-то путный не выйдет… Господь меня помилуй… Только у Него могла бы найти милость на такую сволочь…»

Улицу медленно стал застилать душный сухой туман, Молох не был в этом районе раньше, но мог предположить, что

неподалёку находится какой-нибудь камнеобрабатывающий или подобный цех, который мог бы распространять в периоды очистки клубы пыли по всей близлежащей области.

Молох думал: «Прав Бум – мир живодёрни. Да, я сволочь. А если бы совесть имел? Стал бы ассенизатором, сантехником, тестировщиком технологий для скота. Для чего? Мой вклад – капля в море, но с сотней других могли бы обеспечить квартирный блок. Для кого? Из тысячи обывателей будет один программист. Его вклад – капля в море, но с сотней других они создадут программное обеспечение для большего комфорта обучения. Для чего? Одна программа – капля в море, но если они будут работать большой компанией, то вместе сложат нечто, способное донести до ребёнка основные математические принципы. Для чего? Одна математика – капля в море, но вместе с философией, логикой и музыкой они могут сложить программу воспитания гармоничного человека. Для кого? Для человека, выращенного в комфорте и в достатке, не удручённого существованием в тяжёлом и суетливом мире, где существую я. И что он сделает? Один – ничего, но из тысячи таких может появиться кто-то, кто, помимо наличия хорошего воспитания и беззаботной молодости будет иметь в себе ещё и нечто гениальное или по высшему озарению будет одарён идеей в чём-то невиданной, и он сможет создать что-то оригинальное. Для чего? Чтобы человечество прошло ещё один наномиллиметр в своём развитии… Чёрт возьми, и это ведь ещё оптимистическая ста-

тистика… Мир-живодёрня. Мы только скот на убой, чтобы жил кто-то другой…»

Он с досадой затушил сигарету, попрощался с Бумом и отправился дальше.

Заправка находилась уже на два уровня выше от «Уробороса-90», Молох вспомнил свою мысль, что будто от чёрта к небу он восходит в этом расследовании.

И всё-таки становилось как будто только темнее. Заправка была на одной из астрономических пустошей. В десятом классе школы Молох открыл для себя существование алкоголя, и потому так и не узнал о том, каким же образом космические корабли путешествуют к другим галактикам, отправляясь из-под земли. Он знал, что путешествия возможны только с этих пустошей, знал, что пустоши появились сами собой, а не были изобретены человеком, знал, что их появление было связано с тем моментом, когда Интернет перестал основываться на серверах и проводах, а стал отдельной энергетической сферой, но всё остальное для него было чем-то вроде: очень сложные корабли, которые строят очень большие умы, отправляются в загадочные пустоши и через процесс тирьямпампамции появляются на других планетах.

А ведь когда-то он и сам хотел быть космонавтом, путешественником, мироходцем.

Он вспомнил об этом теперь, когда сошёл со станции метро «Угольная» и оказался прямо на городской черте: справа панели транслировали дневное небо, улицы были светлы,

дома возвышались оживлёнными огнями, рекламами, садами, а слева не было ни информационных панелей с небом, ни домов, ни садов, только каменные колонны и паутины металла под потолком, что поддерживали верхний уровень, и ещё полоса редких электрических огней вдалеке – хребет оградительной стены, означавшей границу самой пустоши.

«Космонавтика – вот это была поэзия, наука, рок-н-ролл. А не то, чем я занимаюсь», – думал Молох.

Туда вела только одна огромная трасса, блестевшая полосой фонарей вдалеке. Молох взял напрокат крытый мопед, чтобы доехать. Сейчас в сторону пустоши как раз отправлялся караван из восьми кораблей, чьи огромные корпуса напоминали по форме жуков. Вблизи, правда, становилось видно, что тела их не сплошные, а, как у ежа, представляют собой во все стороны расходящиеся штыри, соединённые по своим концам проводами или струнами, переплетающимися так хаотично, что и неясно было, на какую глубину уходят штыри, есть ли там, внутри, сплошной корпус, или это и вовсе только шипы и струны.

Они, казалось, медленно ползли по колее трассы, но когда миновали Молоха, стоявшего уже на дорожке вдоль обочины, его едва не снесло ветром их движения. Гул проводов едва не оглушил его, а от напряжения, окружавшего корабли, у него волосы встали дыбом, и какой-то животный ужас обуял его на минуту, хотя он не смог бы сказать, чего именно боялся. Он уже и остановился, так как с трассы нельзя

было сойти, ведь по краям её были только скалы, он решил развернуться и забыл, зачем ехал, и хотел только оказаться где-то подальше отсюда, а всё остальное было безразлично.

Но корабли миновали, ужас отступил, и Молох остался онемевший и всклоченный курить на обочине.

«Вот это рок-н-ролл. Вот это жизнь…» – подумал он, имея в виду, что космонавты-то именно с подобными машинами и работают. И работают ежедневно.

Впрочем, он заметил, что это были пассажирские, частные корабли. Кто-то богатый спешно покидал Землю.

Молох ехал медленно и только через час достиг ворот. Он уже и забыл, насколько огромны эти пустоши. Со стороны это представлялось просто темнотой с неопределёнными огнями – вдалеке, но не в недосягаемости. А теперь он ехал и ехал, город позади мельчал, небо, жизнь оставались за спиной, а он погружался в темноту, и стена с воротами как будто и не приближалась.

Когда он подъехал к самой станции, бывшей как бы вратами на пустошь, то невольно замедлился, несколько придавленный её масштабом.

Чтобы не ограничивать высоту пропускаемых кораблей, заправочная станция была построена без крыши, и это придавало ей вид замка в руинах. А всё-таки это был замок: станцию строили ещё в те времена, когда архитектура была видом искусства, а не инженерного дела, элементы здания имели свои символические значения, шпили и стены укра-

шались статуями, сюжетами из мифов об учёных и космонавтах, на главных воротах значилась надпись, бывшая когда-то сатирическим перефразированием, а теперь имевшая вполне буквальное значение: «В терниях – звёзды».

Молох в школьное время был однажды на экскурсии в одной из подобных станций. Она походила на эту, основное сооружение там тоже было отлито из чёрного металла, статуи высечены из камня, а внутри был вполне ординарный интерьер с мозаичной плиткой Пенроуза на полу и витражами на высоких окнах отделов кафе и магазинов для пассажиров и экипажа. На той станции по две стороны от самой трассы находились две огромные как бы статуи, стилизованные под космонавтов в их доспехах и округлых шлемах, мужчина и женщина. Или, быть может, правильнее: была фигура мужеобразная и фигура женообразная. У каждой было по десять длинных рук, и оперировали ими по полсотни человек на статую. Это были ремонтные автоматоны, с помощью которых производилось обслуживание космических кораблей, проходящих через станцию.

Сейчас Молох долго пытался найти проход внутрь, но только слепо тыкался в стену. Наконец в резной стене появился прямоугольный разрез, кусок стены отворился, и к нему вышла высокая пожилая женщина-механист с имплантами вместо правой руки и ноги и прямой гордой осанкой.

Она спросила, что ему надо, и он объяснил, что ищет владельца станции, Шокриля.

Оказалось, что этой станцией владеет не Шокриль, да и вообще не человек, а институт, и в любом случае начальство следует искать не здесь, а в городе.

Впрочем, женщина, быть может, со скуки, быть может, оглядев жалкий молоховский вид, прониклась участием к нему и расспросила его поподробнее. Тогда путаница разрешилась: Молох посчитал, что на границе пустоши АЗС может быть только астрозаправочной станцией, но неподалёку, так же на предместьях пустоши, проходило старое автомобильное шоссе, где могла быть и другая АЗС – автомобильная заправочная станция.

Теперь Молоху пришлось возвращаться к городу и искать въезд на то шоссе. На обратном пути мимо него проехал ещё один конвой, уже из дюжины разнокалиберных космических кораблей, несущих на боках символы различных фирм. Молох не мог знать масштаба собиравшегося шторма, не мог связать бегство сильных пангорода с происходящей на улицах неразберихой, но всё же тревожное чувство захватило его тоже от вида этих конвоев.

Эта задержка оказалась ключевой, так как, доберись он до автозаправки хотя бы на двадцать минут раньше, то мог застать ещё Шокриля, и всё могло повернуться по-другому.

Глава 5. Ярмарка

Заправочная станция была в районе складов – безоконных угловатых сооружений, однотипных и серых, редкоосвещенных, пустых, без рекламы, неоновых вывесок и украшений, к которым привыкает невольно человеческий глаз в пангороде; так что это место показалось Молоху каким-то могильником.

В этих складах фамилии хранили материальную часть своих наследств, пространство здесь сдавалось кубическими дециметрами, и многие ячейки не были открываемы веками, из-за чего не было смысла и держать штатных работников. На весь город складских помещений нередко приходился один дежурный, проживавший, как и все, в жилых комплексах, а порой и имевший другую работу, а сюда приезжавший только по записи на встречу.

Заправка была встроена между двумя кубами складов, её козырёк, горевший синим пламенем, казался здесь свечой единственной жизни, а жилое помещение хозяина, единственного работника станции, стояло зачем-то на сваях, прислонённое к голому боку складского куба.

Молох оставил свой мопед в стороне от заправочных колонок и зашёл внутрь.

Здесь никого не было, и он стал заказывать в автомате кофе, чтобы как-то занять себя.

Все стены, потолок были затянуты и перетянуты электропроводкой, так грубо сделанной, что она должна была быть самодельной. Один угол, где был проход из-за прилавка в торговый зал, занимал какой-то терминал, запутанный в проводах, как обезьяна шевелюрой. Сейчас оттуда раздался неопределённо женственный, неестественный голос:

– Приветствуем вас в заправочной станции «СевШокОйл»! Чем могу служить?

Совсем не под стать бодрости интонации из спутанных проводов ожившей статуей отделилась скелетообразная фигура – автоматон, служитель станции. Он походил на дистрофичного старика без кожи, если бы все подкожные жилы, мускулы и вены были заменены поеденным коррозией металлом и резиновыми трубками. Только у него почему-то было большое круглое лицо с глазами, светящимися тусклым молочным светом. Молоху показалось, глаза эти пытались убаюкать своим взглядом.

На такой старой станции, которой управлял один старик, вполне можно было ожидать самую разную технику, и всё-таки что-то Молоху здесь не понравилось, и он медлил в ответах и действиях.

– На какой колонке стоит ваш транспорт? – спросил автоматон.

Кофейный автомат звякнул колокольчиком, сообщая о готовности напитка.

Молох взял стаканчик, стал размешивать сахар. Он решил

ответить только после того, как закурит сигарету и сделает первый глоток.

– Я не вижу вашего транспорта ни у одной колонки. Вы желаете чего-то другого?

У автоматона в голосе послышались нетерпеливые, раздражённые нотки, совершенно несвойственные таким простым роботам. Как раз теперь, когда эти нотки прозвучали, Молох смог понять, что его смущало перед этим в голосе того: он как будто пытался подражать убаюкивающей младенца матери, но при этом не вполне мог сымитировать тембр, и голос его ломался, или, наоборот, можно было подумать, что его речевой аппарат неисправен и постоянно норовит выправить куда-то не туда уходящий тембр, но из этого получается нечто плавучее, мелодичное, безэмоциональное. Теперь, когда раздражение автоматона проступило, Молох подумал, что робот походит на человека, каким-то образом притворившегося роботом, но теперь не выдерживающего роли.

Молох подумал: «Нет, это не моё умозаключение, это пустоши внушили мне какую-то паранойю. Робот как робот».

Но он почему-то всё же нервничал. Он не закурил и не выпил кофе, а ответил сразу:

– Я ищу хозяина станции, господина Зизи Шокриля.

Робот издал странный звук, через секунду после этого Молох уже думал, что это было движение воздуха где-то в полости шкафа или шорох проводов, но в момент, когда он его услышал, ему показалось, что робот хохотнул.

Молоху показалось, что робот смотрит не вполне на него, а куда-то над его головой, как будто именно там находилось что-то, способное вызвать веселье. Но, обернувшись, он увидел ничего особенного – провода на потолке, сходящиеся в тёмном углу.

Впрочем, робот больше не произнёс ничего, и Молох попытался стряхнуть эту странную паранойю, которая будто зябким ветром пробиралась в этом месте ему под одежду.

Он допил кофе, докурил, постоял какое-то время без дела, но ниоткуда не раздавалось признаков жизни.

Он подошёл к прилавку, где у кассы был старомодный звоночек с кнопкой. Неизвестно, для чего он был нужен, ведь Зизи Шокриль был стариком, и явно обслуживанием клиентов здесь занимался только этот робот. Ради шутки Молох всё же звякнул в колокольчик.

– Приветствуем вас в заправочной станции «СевШокОйл»! Чем могу служить? – так же мягко и переливчато повторил робот. Теперь, впрочем, Молоху показалось что-то в интонации того, будто междустрочно автоматон пытался сказать: «Пошёл к чёрту».

Он вышел на улицу и попытался позвонить Буму, но тот не отвечал.

Скоро Молох решил, что раз уж он приехал в эту даль и как будто ведёт расследование или некоторое его подобие, то может немного понаглеть. Он опять зашёл внутрь и направился в дверь с надписью «Посторонним вход воспрещён»,

он предположил, что так можно пройти в жилую кабину, висящую над заправкой на стене складского куба.

Робот опять повторил своё приветствие, но ничего больше не стал делать, только проводил Молоха взглядом, в котором тому показалось хитрое выражение,

За дверью оказалась оранжерея, такая длинная, что лампы, шедшие по потолку, сливались в отдалении в одно светлое пятно, и нельзя было различить конец помещения. Молох совершенно не ожидал такого масштаба, ведь снаружи было видно только небольшое торговое помещение автозаправки, оранжерея же угодила вглубь, зажатая между кубами складов, поэтому для взгляда снаружи оставалась скрыта.

По стенам стояли шкафы с садовыми приборчиками и грунтами. Грунтов было особенно много: мешки разных цветов и размеров с названиями на языках не только неизвестных Молоху, но очевидно неземных.

Выращивание пряностей было не самым странным хобби, которое мог иметь современный человек, но подобная оранжерея, чьи плоды явно шли на продажу, свидетельствовала об инопланетном происхождении хозяина, – ручного сельского хозяйства к тому времени на Земле почти не осталось, да в нём не особенно и была выгода. Конечно, в жизни бывает всякое, но Молоху сразу представился архетипичный менталитет закалённой деревенщины из развивающихся миров: человека, прилетевшего на Землю как в столицу, выживающего здесь своими силами из гордого нежелания работать на

кого-то другого, и не только выживающего, но ещё рассчитывающего оставить средства к выживанию своим потомкам.

Справа была винтовая лестница на второй этаж, а рядом с ней вделанный уже после постройки здания одноместный открытый лифт, как для инвалида.

Молох, непривычный к проникновению в чужую квартиру без спроса, чувствовал себя неловко и всё оглядывался и прислушивался, всё ещё надеясь, что хозяин покажется. Но когда он поднялся по лестнице наверх, то так и не встретил признаков жизни.

Это действительно оказалось жилой квартирой, всего здесь была одна комната, из окна которой можно было видеть шоссе и почти всю площадку под козырьком заправки.

Помещение, по правде, было довольно просторным – в городе, скажем, такая квартира-студия выходила бы недёшево, – но всё-таки здесь, очевидно, довольно долго жил одинокий мужчина, который построил и отделал квартиру для себя. В одном углу была не очень опрятная кухонька, в другом – за шторкой находился туалет и ванна, вместо кровати стояли полимассовые палеты с матрасом и давно не стираным бельём на нём. Ещё у стены нагромождёнными виднелись бутыли с домашним вином или чем-то подобным и рядом компьютер. Молох интересным фактом отметил, что здесь не было ни одного стула – ни у стола, ни у компьютера, хотя, совместив это наблюдение с врезанным в пол одноместным лифтом, можно было догадаться, что здесь жил человек, пе-

редвигающийся на инвалидном кресле.

Он увидел, что на экран компьютера, ещё включённый, выводилось изображение с девяти камер наблюдения.

Опять же, Молох не был привычен к ведению следствия и потому не сразу смог собраться с мыслями. Именно отдав себе отчёт, что может упускать что-то очевидное, он специально решил понаглеть ещё дальше и попользоваться хозяйскими вещами, чтобы как бы пообжиться здесь и мысленно раскрепоститься.

Он заварил себе чай, сделал бутербродов со сливочным маслом, освободил плетёный ящик от горшка с домашним цветком, чтобы использовать его вместо табурета, и включил себе на компьютере какую-то пустую дрянь из интернета для занятия мыслей за чаепитием.

Только после таких операций ему в голову пришло, что, если Ксюшку Туфельку уже настигла инквизиция, и настигла его, именно следуя за убийцей Ювенты, то, конечно, и Зизи Шокриль должен был быть либо на очереди, либо уже давно в допросных помещениях, потому можно было ожидать не найти его здесь, хотя он мог быть и в бегах, и убит, и закопан где-то в собственной клумбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.